ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 64 (2447) Среда, 11 августа 1948 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Мичурину принадлежит будущее

Закончившаяся на-днях сессия Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина вызвала большой интерес в советском народе. Доклад академика Лысенко о положении в биологической науке, одобренный Центральным Комитетом ВКП(б), и многочисленные выступления на сессии ученых-мичуринцев говорят о победном движении вперед материалистической биологии, о высокой идейности советской науки, о ее верности принципам диалектического и исторического материализма.

В стране социализма в условиях сталинской эпохи наука получила все возможности выполнить свою высокую, благородную миссию служения народу.

Наши великие учители, основоположники марксизма-ленинизма, предсказывали необычайный расцвет науки при социализме. Маркс говорил, что социалистический переворот связан с превращением науки доктринеров в науку революционеров.

Окруженная любовью народа и отеческим вниманием правительства, советская наука вышла на широчайший простор, она ставит и разрешает коренные проблемы, осуществляет самые смелые, дерзкие замыслы.

Коммунистическая партия и советское правительство, создав все условия для расцвета науки в нашей стране, поддерживают ученых-новаторов, направляют их творческую мысль на решение наиболее актуальных, жизненно необходимых проблем.

Не случайно, что именно в советское время великому ученому И. В. Мичурину удалось сделать свои самые крупные открытия.

Вся замечательная жизнь этого великого советского естествоиспытателя, чудесного преобразователя природы, была посвящена не только об'яснению, но и изменению жизни растительного мира.

Мичурин был выдающимся ученым-революционером в биологии, он был представителем той науки, которая «не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики» (Сталин).

Творчески развивая дарвинизм, ломая естественные каноны, отбрасывая ошибочные положения, советская биологическая наука — генетика и селекция, связанные с именами Мичурина, Тимирязева, Вильямса, Лысенко, — добилась выдающихся успехов. Мичуринское учение о развитии живых организмов, учение Вильямса о развитии и плодородии почвы обогатили советскую биологическую науку, сделали ее самой передовой в мире.

Мичурин первый в биологической науке разработал научные основы преобразования растительного мира. Им доказано, что для человека не существует пределов в создании новых качеств культурных растений, в повышении их урожайности, изменении границ их распространения. Поэтому мичуринское учение стоит выше дарвинизма, оно является качественно новым этапом в развитии эволюционной теории и в биологической науке.

Мичуринское направление представляет собой жизненно-плодотворное, активное отношение к природе. «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача», — писал Мичурин.

Верные последователи и ученики Мичурина, возглавляемые Т. Д. Лысенко, отказались от пассивного созерцательства и комментирования явлений природы и энергично взялись за действенное преобразование ее.

Они высоко подняли мичуринское знамя в биологической науке. В то время, когда значительная часть ученых-генетиков пыталась скрыть работы Мичурина, принизить и обеднить их огромное теоретическое и практическое значение, Т. Д. Лысенко смело и отважно вступил в борьбу за идеи Мичурина.

Т. Д. Лысенко разработал теорию стадийного развития растений, обогатившую мичуринское учение. Им разработан метод яровизации сельскохозяйственных растений, а также метод подбора родительских пар при селекции зерновых. Это ускорило селекционный процесс и сделало возможным плановое выведение сортов, имеющих определенный вегетационный период. Этот метод теперь широко используется советскими селекционерами.

Летние посадки картофеля, предупреждающие его вырождение в южных районах и обеспечивающие улучшение его семенных качеств, также были предложены академиком Т. Д. Лысенко. Он ввел систему массового улучшения семян зерновых культур путем гибридизации (так называемых внутрисортовых скрещиваний). В короткий срок и по плану, на основе теории стадийного развития был создан сорт хлопчатника, приспособленный к климату Украины, оказана большая научная помощь колхозам в повышении урожайности проса на значительных площадях.

Широкое внедрение всех этих открытий, сделанных мичуринцами, повысило культуру социалистического земледелия.

Мичуринское учение тесно связано с трудом колхозного крестьянства. Большой коллектив передовиков сельского хозяйства привлечен к научным исследованиям и энергично борется за внедрение в сельскохозяйственное производство достижений передовых ученых.

Опыт тысяч колхозов и совхозов, их борьба за высокие урожаи наглядно показывают, что без социалистического строя невозможно было бы широкое развитие мичуринского движения. Выступавшие на сессии ученые и новаторы сельского хозяйства в один голос заявляли, что практика социалистического хозяйства плодотворно питает теорию, а передовая биологическая наука освещает путь практике.

Движение биологической науки вперед неизбежно приводит к новой агротехнике, несущей изобилие, — агротехнике коммунистического общества.

Современные сторонники менделизма-морганизма вытаскивают на свет лозунг о единой, надклассовой «мировой биологической науке», в то время как и эта область естествознания уже давно раскололась на два враждебных, диаметрально противоположных борющихся направления.

В противовес материалистическому, мичуринскому направлению в биологии, реакционное, идеалистическое направление тянет нас назад, вспять от Дарвина. Это движение в науке представлено учениями Вейсмана, Менделя и Моргана. Все основные положения и выводы их теории раскрывают ее реакционность и антинаучность.

Менделизм-морганизм тормозит развитие биологической науки, задерживает дальнейший под'ем социалистического сельского хозяйства.

До сего времени эти реакционные теории поддерживаются и пропагандируются рядом советских ученых, в частности, академиком И. И. Шмальгаузеном, проф. А. Р. Жебраком, проф. Н. П. Дубининым, академиком Б. М. Завадовским и др.

Морганистская метафизика, целиком привнесенная из враждебной зарубежной реакционной идеологии, наносила большой вред делу воспитания научных кадров, зажимала творческую мысль мичуринцев, наносила вред колхозам и совхозам, ожидающим помощи от науки.

Значение закончившейся сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина заключается в том, что она нанесла сокрушительный удар по вейсманистам и их последователям и высоко подняла знамя мичуринского направления. Она явится толчком для дальнейшего развития всей нашей науки. Это глубоко радует всю советскую общественность.

Советская наука смотрит вперед, она не довольствуется известным, она упорно прокладывает, пробивает новые пути. Успехи советской агробиологической науки свидетельствуют о дальнейшем под'еме нашей страны на пути к коммунистическому изобилию.

С глубоким удовлетворением отмечаем мы дальнейшие успехи наших передовых ученых и горячо поддерживаем замечательную армию мичуринцев — армию смелых новаторов, пытливых исследователей, талантливых теоретиков, настойчиво ищущих все новых и новых путей в познании и переделке природы.

Мичуринскому направлению принадлежит будущее. Наши великие вожди Ленин и Сталин высоко ценили теоретические исследования и практические результаты великого естествоиспытателя И. Мичурина. Заботливо поддерживают мичуринское направление в науке наше правительство, наша партия, наш великий Сталин!

Советская общественность уверена в том, что Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина — подлинный центр передовой мичуринской агробиологической науки, — опираясь на людей смелых, творческих, упорных в борьбе с обветшалыми канонами, еще смелее и шире развернет фронт своих работ.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Пахтаабад** (Таджикская ССР). Четыре новых школьных здания строят своими силами члены сельхозартелей имени Лахути, «Пахтакор», имени НКВД и «Комсомол». Школы будут готовы к началу учебного года.

◆ **Грозный.** Новое книгохранилище на 120 тысяч томов сооружается при областной библиотеке им. Чехова. Строительство намечено закончить к 31-й годовщине Октябрьской революции.

◆ **Владимир.** Выход книгонош на поля и в села организовали райком комсомола и отделение Когиза Владимирского района. Сельские книжные магазины регулярно пополняются политической, художественной и сельскохозяйственной литературой.

◆ **Станислав.** 18 новых библиотек для работников нефтяной промышленности Прикарпатья создано за последние два года. Лучшая из этих библиотек находится на Битковском нефтепромысле. Для обслуживания рабочих отдаленных скважин библиотека создала 8 передвижек.

◆ **Киев.** 24 августа в Киеве открывается республиканское совещание детских писателей, созываемое Союзом советских писателей и Центральным Комитетом комсомола Украины.

◆ **Ташкент.** Свыше двух тысяч учеников средних школ и студентов Ташкента участвует в экскурсиях по родной республике. Группа студентов и старшеклассников завершила восхождение на Чимганские горы. Многие учащиеся изучают флору Узбекистана.

◆ **Барнаул.** Экспедиция Академии наук СССР и ленинградского Эрмитажа ведет на Алтае раскопки древних улаганских курганов, возраст которых превышает две тысячи лет. Найдены золотые и серебряные вещи, ковровые и кружевные изделия, скелеты лошадей и крупных рогатых животных.

◆ **Фрунзе.** Впервые на киргизском языке вышел из печати сборник критических статей В. Г. Белинского. Перевод статей сделан писателями К. Баялиновым и С. Бектурсуновым под общей редакцией С. Керимбаева и Т. Саманчина.

ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ МЕЧТА

Геннадий ФИШ

Целый день своей работы, между первым и вторым заседаниями, сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина посвятила осмотру полей экспериментальной базы в Горках Ленинских.

Высокие в рост человека колосья. Крепкие и стойкие стебли, больше напоминающие проволоку, чем солому, увенчаны тяжелыми, невиданными колосьями, вернее гроздьями, ветвями колосьев. И это не маленькая грядка, не обычная делянка экспериментатора. На ветру колеблется, шумит, расстилается широкая, темнозеленая еще нива — огромное поле.

И каждого, кто видит эту необычайную ниву, охватывает радостное волнение. Думается, — вот она, осуществляемая творчеством наших людей давняя мечта человечества. О такой ниве мечтал заточенный в Петропавловскую крепость Чернышевский. В романе «Что делать?» он описал сон Веры Павловны. Она идет вдоль такого сказочного поля и, потрясенная, думает: «Это наши хлеба, только не такие, как у нас, — густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто же видел такие колосья? Только в оранжерее можно вырастить такие колосья, из каких состоит вся эта нива».

Но нет, это не сон! Это ветвистая пшеница, которую уже в народе называют сталинской. И не в оранжерейном климате выросла она, а здесь, под Москвой, на берегу реки Пахры, в нескольких минутах ходьбы от того дома, где скончался великий гений человечества Ленин.

О ветвистой пшенице рассказывали участникам сессии академики А. Авакян, Д. Долгушин и бригадир-полевод Денис Никанорович Лысенко.

Из двухсот граммов такой пшеницы в прошлом году Авакян вырастил 3,5 центнера! Из стакана семян — шесть мешков! В колосе — 5 граммов зерна. На квадратном метре поля легко может быть 200 стеблей с такими колосьями.

— Так ведь это сто центнеров с гектара! — восклицает кто-то из участников сессии.

Да, таковы будут урожаи в близком будущем.

А в соседней группе директор экспериментальной базы В. Озирский рассказывает:

— Из одного зерна, посеянного в марте прошлого года, сейчас, в августе, в новом поколении мы соберем более 3 миллионов зерен! Вот коэфициент размножения!

— Обычно формы ветвистой пшеницы — яровые. Мы получили задание от Трофима Денисовича, — говорит Авакян, — сделать ее озимой. И в этом году у нас будет 2,5 центнера гибридных семян.

На лицах слушающих напряженное, сосредоточенное внимание. А ведь скажи кто-нибудь о переделке пшеницы из яровой в озимую, из твердой в мягкую лет 15 тому назад, — люди, умудренные кабинетной наукой, насмешливо переглянулись бы и разошлись, не желая слушать невежду или фантазера! Такие признаки, как «яровость», «озимость», почитались неизменными. И то, что сейчас просто говорится о задании переделать яровые в озимые, и то, что слушатели убеждены в выполнимости этого задания, — разве не свидетельствует о том стремительном движении вперед, которое совершила за такое относительно краткое время наша советская наука, преобразующая природу.

О том, как проходила работа над ветвистой пшеницей; о ее огромном народнохозяйственном значении, которое невозможно переоценить; о том, как некоторые работники, опутанные принципами менделизма, забраковали ветвистую пшеницу, — обо всем этом говорили на сессии академики Д. Долгушин, И. Якушкин и другие.

* * *

С напряженным вниманием участники сессии в конференц-зале Министерства сельского хозяйства слушали каждое слово доклада президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина Т. Д. Лысенко. Этим докладом, неоспоримой победой на колхозных полях и в теории завершалась 20-летняя дискуссия. Биологическая наука вступила в новый этап своего развития.

Три с половиной века назад Кампанелла, мечтая о «Государстве солнца», писал: «Земледелие окружено у них высшим почетом. Им известны тайные средства увеличивать всхожесть семян, их продуктивность и жизнеспособность». То, что было мечтой, становится каждодневной явью в государстве, руководимом гением Сталина.

Но для того, чтобы творить новые формы растений, нужные человечеству, надо было распознать, разоблачить и преодолеть идеалистическую «науку» Вейсмана, Менделя, Моргана, Иогансена. Это «наука» утверждала, что изменения организмов, возникающие под влиянием условий жизни, не наследуются, что есть вещество наследственности, которое неизменно и бессмертно; что эволюция идет по затухающей кривой.

Разоблачению мистических реакционных основ этих теорий и их практической бесплодности была посвящена первая часть доклада президента Академии.

Двадцать лет назад, на заре колхозного строя, молодой советский ученый Трофим Денисович Лысенко, верный великим заветам прогрессивной русской науки, науки Сеченова, Мечникова, Тимирязева, высоко поднял знамя борьбы за учение Мичурина и Вильямса. Каждый шаг в развитии творческой науки, преобразующей мир, ему и другим мичуринцам приходилось преодолевать, борясь с отсталыми, идеалистическими, реакционными теориями. Борьба была тем более трудной и сложной, что и по сей день в наших вузах по американскому учебнику Синнота и Денна преподается вейсманистская генетика, разоружающая человека в борьбе за переделку природы.

Многие обыватели от науки жаловались на «скверный» характер Мичурина.

Сколько таких обывателей с учеными степенями и по сей день считают дискуссии по генетике и агробиологии ссорой, которая возникает из-за якобы неуживчивого характера академика Лысенко. Многие из них мечтают о примирении идей. Насколько эти обывательские разговоры беспринципны по сравнению с точной и ясной позицией мичуринцев!

Многие выступавшие в прениях вспоминали дискуссии по вопросам генетики, происходившие в 1936 и в 1939 гг.

На дискуссию 1936 года мичуринцы пришли во всеоружии, с разработанной академиком Т. Д. Лысенко теорией стадийного развития растений. Эта теория пролила свет на многое из того, что было необ'яснимо и непознаваемо. В свете ее совсем по-новому встали все вопросы селекции. Теперь она признана во всем мире, излагается в энциклопедиях, вошла в учебники как одно из величайших открытий биологии XX века. Но тогда она была встречена в штыки морганистами.

Мичуринцы дали стране яровизацию семян, принесшую и приносящую ежегодно дополнительно десятки миллионов пудов зерна. На юге страны картофель вырождался. Надо было его привозить издалека. В Одессе, например, он стоил дороже винограда. Ученые находили десятки об'яснений вырождения, но они были бессильны предотвратить его. Предложенные Лысенко, основанные на теории стадийного развития, летние посадки полностью разрешили проблему картофеля на юге. А морганисты, менделисты продолжали писать книги о том, почему это невозможно, занимались статистикой изменений хромосом у мушек дрозофила; преподавали в вузах генетику по-американски и больше всего боялись, как бы за рубежом их не посчитали невеждами, склонными разделять «заблуждения» мичуринцев.

Дискуссия осенью 1939 года... Несмотря на то, что весь стол президиума был уставлен горшками с вегетативными гибридами помидоров и картофеля, менделисты, вопреки очевидности, заявляли: «Вегетативных гибридов нет и быть не может!»

После дискуссии 1939 года мичуринцы предложили новую агротехнику кок-сагыза — гнездовые посевы, вывели много новых сортов зерновых и плодовых растений. В дни войны они мобилизовали науку на помощь народу. Вспомним хотя бы о посадках верхушек клубней картофеля, значительно увеличивших продовольственные ресурсы страны.

Мичуринцы выполнили решение февральского Пленума ЦК ВКП(б) о разработке вегетативного способа размножения кок-сагыза. Они решают сложные, не терпящие отлагательства проблемы травосеяния. Обо всем этом на сессии рассказывали т. В. Дмитриев (Госплан), академик П. Лобанов (зам. министра сельского хозяйства), академик С. Демидов. Ежегодно в утверждаемых правительством планах, а также в перспективных планах, сказал академик Демидов, предложения Т. Д. Лысенко занимают большое место. Так биологическая наука участвует в борьбе всего народа за изобилие, за коммунизм.

Все это возможно было сделать, только опираясь на действенную материалистическую теорию, открывая все новые закономерности в живой природе.

А менделисты, назвавшие себя «ортодоксальными дарвинистами», попрежнему пропагандировали в вузах Вейсмана, Менделя, Моргана и в ученых своих фолиантах писали о том, что мичуринцы нарушают законы науки. В дни войны, когда весь советский народ напрягал все силы в самоотверженной борьбе с фашизмом, виднейший морганист Дубинин не нашел лучшего занятия, чем наблюдать, как изменяется хромосомный аппарат плодовой мушки в разрушенных немцами городах в связи с ухудшением условий жизни. Эти наблюдения ничего не могли дать ни науке, ни практике.

Как непохоже на эти бесплодные теоретизирования все, что делают мичуринцы. «Считаю не бесполезным отметить, — говорил Лысенко, — что стимулом для постановки вопроса глубокой теории — проблемы вида, вопроса о внутривидовых и межвидовых взаимоотношениях особей, для меня была и остается не простая любознательность, не просто любовь к голому теоретизированию. К необходимости взяться за эти теоретические вопросы привела и приводит меня работа над решением сугубо практических задач... По-новому предстала возможность решения таких практически важных вопросов, как борьба с сорняками в земледелии, подбор компонентов для посева травосмесей, быстрое и широкое лесоразведение в степных районах и многих других вопросов».

* * *

Сессия была торжеством мичуринской науки, демонстрацией ее необычайной широты, творческого многообразия, глубины проникновения в биологические процессы. Вряд ли кто мог раньше представить себе, каких вершин достигла наша наука в познании и преобразовании природы. Это был поистине большой исторический день биологической науки. Выступали академики первого призыва — Эйхфельд, Перов, Якушкин. Академики нового призыва — Ольшанский, Авакян, Яковлев, Крылов, Бушинский. Выступали люди, приехавшие со всех концов нашей родины, — из Армении, Саратова, Мичуринска, из Сибири, Ленинграда, Одессы, Киева, из Средней Азии. На трибуну поднимались ученые-растениеводы, почвоведы, биологи, животноводы, экономисты, птицеводы, биохимики, философы, и все они говорили о борьбе, которую приходится вести мичуринцам с реакционными течениями в биологии.

Здесь одним словам не верили, и каждый из выступавших словно рапортовал штабу мичуринской науки о делах.

— Всесоюзный институт растениеводства за годы войны и в послевоенное время создал до 170 сортов разных культурных растений, — сообщил академик Эйхфельд. — Открыты возможности заполярного земледелия и земледелия в зоне пустынь! Мы вывели в Хибинах ультраскороспелый сорт картофеля, который южнее дает два урожая в год. Сейчас на Всесоюзный институт растениеводства обрушился поток клеветы зарубежных морганистов — дарлингтонов и саксов. Они не могут примириться с тем, что институт, который менделисты стремились превратить в оплот формальной генетики, теперь активно участвует в развитии творческой мичуринской науки.

Академик Ольшанский говорил о работе Всесоюзного селекционно-генетического института в Одессе, о созданных институтом по методу Лысенко сортах пшеницы, хлопчатника, о переделке ярового ячменя в озимый, более зимостойкий, чем прежние озимые.

Ф. Тетерев демонстрировал сорта черешни, выведенные им в Ленинграде, — «зорька», «светлана», «ленинградская черная».

Озимые в Сибири! Это было всегда проблемой огромной народнохозяйственной важности. Выполняя решение февральского Пленума ЦК ВКП(б), Лысенко разрешил эту вековую проблему. Нет теперь такого сорта озимой пшеницы, который не мог бы перезимовать в Сибири! Директор Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства Г. Высокос сообщил о том, что озимые в этом году дадут урожай 18, 27 и даже 30 центнеров с гектара. Снопики озимой сибирской пшеницы, показанные сессии, красноречиво подтверждали слова выступавшего.

Животновод В. Шаумян демонстрировал фотографии выдающихся рекордисток-коров Караваевского стада — породы, выведенной методами мичуринской науки.

Впрочем, разве перескажешь в газетной статье все глубокое содержание многочисленных интересных выступлений на сессии! Все они говорили об одном — о победах мичуринской биологии и о ее кровной связи с народом, строящим коммунизм.

И за скупыми речами выступавших, за простыми, казалось бы, будничными словами вставали тучные колхозные поля, сады с деревьями, гнущимися под тяжестью плодов, картофель, растущий у берегов Ледовитого океана и на жарком юге, гроздья черешни, перенесенные на тысячу километров на север, к Ладоге, неоглядные нивы озимых в степях Сибири. И то, что еще совсем недавно казалось чудесным сном, — налитые крупным золотым зерном колосья ветвистой пшеницы...

* * *

Прошел один день заседаний, другой. Несмотря на приглашение председательствующего академика П. Лобанова высказаться, вейсманисты, менделисты пытались отмалчиваться. И только под давлением общественного мнения, после выступления «Правды», они, наконец, взошли на трибуну, казалось, только для того, чтобы показать, что они ничему не научились, что развитие науки за 20 лет даже не коснулось их.

Доктор биологических наук И. Рапопорт от имени менделистов мог сообщить только то, что они стоят «на пороге великих открытий». Однако участникам сессии было хорошо известно, что в то время, когда мичуринцы действительно сделали мировые открытия, менделисты стоят у «порога» уже больше 20 лет и никак не могут его перешагнуть. Примеры практических достижений менделистов, которыми хвастался Рапопорт, как показали затем выступавшие, оказались несостоятельными.

Большое путаное выступление академика Б. Завадовского, который в борьбе между идеализмом и материализмом в биологии пытался найти какую-то третью линию и уверял всех, что этим он выполняет задание партии и что все, что он говорил еще в 1926 году, правильно и сейчас, вызвало у аудитории недоумение.

Мой сосед сказал мне: — Много сессия слышала прекрасных выступлений, но самое полезное, пожалуй, было выступление Завадовского. Ни один оратор не мог бы так раскрыть всю бесплодность, всю беспомощность менделистов, всю оторванность их от живой жизни, как это сделал сам Завадовский.

Если соратники Т. Д. Лысенко докладывали сессии о новых, созданных ими сортах фруктов, овощей, злаков, породах полезных животных, новых открытых ими закономерностях живой природы, то морганисты-менделисты — Б. Завадовский, С. Алиханян, И. Поляков и И. Шмальгаузен принесли лишь ворох цитат. Вопреки очевидным фактам, они утверждали, что и Мичурин и Тимирязев были менделистами. В то время, когда мичуринцы, выполняя решение февральского Пленума ЦК ВКП(б), помогли колхозному крестьянству поднять урожайность проса до пятнадцати центнеров на площади свыше миллиона гектаров, менделисты ничего не могли предложить полезного практике.

О вреде, который они нанесли селекции и семеноводству, говорил академик Д. Долгушин; о вреде, принесенном ими овощеводству, рассказала академик Е. Ушакова. Менделисты загубили много замечательных племенных животных, — об этом говорили академик Л. Гребень и зам. министра совхозов СССР Е. Чекменев. О том, какой материальный ущерб нанесли морганисты, как затормозили лесонасаждение в нашей стране, рассказал В. Дмитриев (Госплан).

Доктор биологических наук К. Кострюкова (Киев) сообщила, что ряд коренных доказательств теории менделизма основывается на экспериментах, проведенных в 1910 году. Новые эксперименты, проведенные более совершенными методами, опровергают выводы менделистов и подтверждают правоту мичуринского учения.

— Менделисты за рубежом свой последний недавно состоявшийся Международный конгресс посвятили вопросам человеководства, а наши менделисты, — с возмущением сказал И. Глущенко, — не нашли возможным ни печатно, ни устно выступить против этой лженаучной расистской деятельности зарубежных морганистов.

Выступивший на сессии академик М. Б. Митин со всей резкостью раскрыл идеалистическую, реакционную основу теории Вейсмана и его последователей и показал, что мичуринское направление развивается на основе диалектического материализма.

Многие выступавшие говорили о недопустимых приемах, которые применяли в борьбе с мичуринцами менделисты-морганисты. Захватив руководящие посты в ряде вузов и научных учреждений, они не пропускали диссертаций мичуринцев, часто только потому, что в тех доказывалось, что наследование приобретенных признаков возможно и необходимо. Но с каждым годом мичуринцев становилось все больше и больше. За них была жизнь с ее бурным творчеством, с ее побеждающей правдой.

С большим интересом было выслушано сессией выступление академика И. Презента. Он подробно и убедительно раскрыл, как фальсифицируются высказывания Мичурина, как люди, борющиеся против мичуринско-материалистической идеологии, пытаются противопоставить Лысенко Мичурину.

Исключительное единство, сила научной аргументации, связь мичуринского направления с народом, с его борьбой за коммунизм — произвели неизгладимое впечатление на всех, кто принимал участие в работах сессии. Это должно было заставить задуматься и тех менделистов, которым интересы науки дороже, чем самовлюбленное отстаивание своих ошибок. Академик П. Жуковский заявил в своем выступлении, что был не прав, отстаивая менделизм, и ныне открыто и честно переходит на позиции мичуринского учения. Искренность аналогичного заявления доцента МГУ С. Алиханяна, известного в науке только своей борьбой против Лысенко, может быть доказана лишь его дальнейшей научной работой. С осуждением своих прежних антимичуринских позиций выступил также и член-корреспондент Академии наук УССР И. Поляков.

Тепло встретила сессия выступление А. Михалевича, зам. редактора «Правды Украины».

— В этом году, к 1 августа, — сказал А. Михалевич, — украинские колхозники сдали вдвое больше хлеба, чем в прошлом году. Меня спрашивают с места менделисты: какое это имеет отношение к науке? — К менделевско-моргановской науке, конечно, никакого! А к мичуринской — самое прямое! У передовых колхозников есть свое мнение по поводу споров, идущих в этом зале, и они присоединяют свой голос в защиту той науки, которая помогает им увеличивать из года в год благосостояние народа. Поэтому колхозное крестьянство обращает свой взор к партии, к товарищу Сталину с благодарностью за то, что они оберегают и помогают мичуринской науке — науке изобилия.

Это чувство благодарности к великому вождю, корифею науки, товарищу Сталину испытывали все участники сессии.

В своем заключительном слове Трофим Денисович Лысенко, отвечая на записку, сказал:

— Центральный Комитет ВКП(б) рассмотрел мой доклад и одобрил его.

Весь зал в едином порыве поднялся, и в бурной овации выразились благодарность передовых ученых Родине, партии, их единство с народом, строящим коммунизм.

Почему Павлику Кузнецову скучно?

Бор. ЕМЕЛЬЯНОВ

...В лесу за соснами встает луна. У костра сидят пионеры, и вожатый с ленточками боевых наград рассказывает ребятам о минувших боях за Советскую Родину, о счастье быть сильным и смелым воином.

Ярко светит солнце. На верхушке березы — дозорный. С биноклем в руках он ищет «противника». За деревьями, над шалашами вьется дымок, на костре варится походная каша. На веревке развешаны пестрые сигнальные флажки.

Как интересно все это!

...А пионеру Павлику Кузнецову скучно. Он сидит в большой читальной комнате пионерского лагеря. Сосны, и луна, и флажки, и шалаши, и костер—все это не настоящее. Это рисунки на обложках журналов «Затейник», «Мурзилка», «Пионер».

В лагере, где вот уже пятнадцатый день живет Павлик Кузнецов, так не бывает. Нет там увлекательных бесед у ночного костра, военных игр, дальних походов, ночевок в шалашах.

* *

Незадолго до Отечественной войны я был в гостях у писателя Аркадия Петровича Гайдара и остался у него ночевать. Утром к нам в комнату, разбив окно, влетел футбольный мяч. Днем мальчишки пришли вставлять стекла. Капитан дворовой футбольной команды доложил нам, что разбили они окно потому, что играли сразу и в казаков-разбойников и в футбол.

— Сколько я себя помню, — сказал тогда Гайдар, — мальчишки всегда играют в разбойников. А надо бы им играть в хороших людей.

В Клину, работая как одержимый, он три месяца «придумывал» игру в хороших людей. На шесту от скворешни, над домом, он поднял вымпел игры, через рабочую свою комнату протянул веревочные провода и на первой странице нарисовал красную звезду с широкими лучами.

Так Гайдар начал писать «Тимура».

А спустя год в кабинете секретаря горкома комсомола в Клину, рядом со мной, в кресле, сидела девушка-вожатая. Секретарь горкома стучал пальцем по номеру «Пионера», где был напечатан «Тимур», и спрашивал с тоской:

— Ну, скажи ты мне, Наташа, по чистой совести, почему вот такие пионеры и вожатые бывают только в книжках? Почему их надо писателю выдумывать?

— Почему же это они бывают только в книжках? — возмущалась Наташа.—Вовсе их не надо выдумывать. Надо их находить в жизни.

Однажды на одном из клинских чердаков Гайдар встретился с «филиалом» тимуровского движения и, растроганный, пораженный, спросил у ребят:

—Кто же у вас главный, кто Тимур?—и услышал в ответ, что «главный Тимур»—это вожатая Наташа.

В дальнейшей беседе выяснилось, что «Наташа больше Тимура».

— Больше? — спросил Гайдар. И ему уверенно ответили ребята:

— Больше. Тимур был что — мальчишка, а Наташа — комсомольский работник. У Наташи — отряды. Наташа — в городском комитете член бюро. Она не только тимуровцами занимается — устраивает военные игры, проводит беседы у костра...

Книгой о Тимуре Гайдар выполнил давнее задание партии. Это было чудесное соединение увлекательной игры и борьбы за счастье человечества: о необходимости такого сочетания в работе пионеров говорила еще Н. К. Крупская. Это была коллективная, смелая, коммунистическая игра-работа, организованная по почину Гайдара комсомольцами без «проработок» инструкций, без лишнего формализма, без заседаний. Старый комсомолец Гайдар оказался хорошим пионерским вожатым.

Я вспомнил эти славные страницы истории пионерского движения в той самой читальной комнате пионерского лагеря под Владимиром, где Павлик Кузнецов с завистью рассматривал обложки журналов.

Почему же Павлику Кузнецову скучно?

В журнале «Вожатый» часто печатают корреспонденции с мест: вожатые делятся опытом своей работы.

«На ночную рыбалку, — пишет вожатая Чумакова, — **мы взяли самых живых**, самых непослушных ребят. Ребята работали по пояс в воде, таскали тяжелую сеть, но зато утром около кухни стояли два бака рыбы».

В этом лагере вожатые не боялись глубокой реки и смело вели ребят в лодочные походы. Вожатая Чумакова разрешила звену девочек побыть до рассвета у реки и «посмотреть, как солнце всходит». И она сделала правильно, не осудив, а осуществив эту романтическую затею.

* *

Несколько дней назад я вернулся из своего очередного путешествия. Я видел разных людей, сидел у многих костров. Но мне жаль, что я не встречался с ребятами на веселых ночных привалах, не находил Робинзонов в лесных шалашах, не видел юных рыбаков на рыбалке, подростков-охотников в березах болот, пловцов в реках.

Недавно вышла из печати в издательстве «Молодая гвардия» книга «Пионерский лагерь». У нее на обложке тоже светит луна и горит костер. Книга эта написана для старших пионерских вожатых.

Какой же пионерский лагерь предлагает она создать? Прочтем главу «Благоустройство территории», обратив внимание на масштабы. Книга предусматривает все: «мачту — высотой в 15—20 метров», доску об'явлений «в виде ящика», «арку с приветственным лозунгом «Добро пожаловать», «окружение» **каждого дерева** в лагере скамьей, «небольшие беседки», «библиотеки», клуб «в одну или несколько комнат», «спортивную площадку», футбольное поле и гимнастический городок.

Изданная огромным тиражом, эта книга-инструкция ориентирует вожатых на создание не пионерского лагеря, а гигантского оздоровительного детского комбината-санатория. Конечно, санатории нужны, но ведь нужны они для хилых, больных детей. Здоровый, сильный мальчик хочет сам строить шалаш, разбивать палатку и спать под звездным небом.

Недалеко от города Судогды, Владимирской области, в пойме двух рек, есть чудесное, сказочное по красоте место. В парках-садах растут все деревья, которые по климату уживаются в Европе. В сосновом бору воздух чист и свеж. Но вот уже восьмой год пионерские лагери владимирских железнодорожников ютятся в пыльной деревне, у шоссе. Причина проста: в деревне есть готовая каменная коробка — школа. Конечно, есть около этой школы арка с надписью «Добро пожаловать», есть в каменном доме читальня, и в столовой на удивление всем ребятам вывешен лозунг: «Пионер, не открывай рот во время еды!» Ребят хорошо кормят, но спят они плохо в жарких спальнях и откровенно жалуются на нестерпимую скуку...

За 14 дней пребывания в этом лагере ребята купались только один раз: вожатые боятся, как бы кто из пионеров не утонул. И костер не зажигали ни разу: вожатые убеждены, что пионерам у костра скучно, да к тому же они «могут простудиться». О трудовых навыках, о работе на лагерном огороде, в соседнем колхозе и говорить нечего: пионерам одно остается—скучать и толстеть...

М. И. Калинин говорил, что «Сейчас может быть взят некоторый крен на укрепление физических сил, внедрение трудовых навыков, крен на воспитание привычек к перенесению всяких невзгод, что позволит провести нашу молодежь через цикл испытаний для того, чтобы закалить ее».

Эти слова совершенно не поняты, не услышаны многими нашими пионерскими работниками, вожатыми.

Но как можно воспитывать в пионерах смелость, ловкость, самоотверженность, храбрость, товарищескую спайку, трудолюбие — все драгоценные качества советского гражданина, — не создавая условий для проявления воли, храбрости и самоотверженности?

И вот тут мы подходим к очень большому и важному вопросу — кто же руководит пионерами? ЦК комсомола указал, что вожатыми пионерских дружин должны быть политически грамотные комсомольцы, умелые массовики и организаторы, горячо любящие детей, обладающие педагогическими навыками. Выполнено ли это указание? Мне — детскому писателю — вот уже два года приходится встречаться на различных совещаниях с ними и теми же вожатыми. Много среди них талантливых воспитателей, патриотов своего благородного дела. Но есть и скучные формалисты, у которых уже выработался стандарт «парадного» выступления.

— Я пришла в школу, никакой пионерработы не было. Теперь школа получила 65 грамот за пионерработу.

Такие или примерно такие речи я слышал не раз. Неужели в грамотах суть великого пионерского движения? А вот сколько новых людей, людей честных, дисциплинированных, сильных, храбрых, пламенных патриотов Родины, готовых к труду и борьбе, воспитала такая вожатая, — ни слова не скажут.

Среди вожатых много «подобранных» в отделах кадров, случайных, не любящих свою работу людей. Есть комсомольцы, которые смотрят на профессию вожатого, как на временную остановку по дороге в высшее учебное заведение, как на прибавочный заработок к стипендии.

Надо создавать прочные кадры руководителей пионерского движения. Пора открыть при педагогических институтах факультеты детского коммунистического движения и воспитывать, серьезно учить вожатых, чтобы профессия для них стала делом жизни, а не случайной «нагрузкой». Сейчас старшему пионервожатому школы уже недостаточно среднего образования: он работает с школьниками шестых-седьмых классов, которые читают книги Ленина и Сталина, интересуются международным положением, глубоко знают историю, литературу. Когда вожатый мало знает и не может ответить детям на «сто тысяч — почему?», работа в пионерском отряде глохнет, ребята теряют доверие к своему руководителю. Надо обобщить опыт лучших вожатых, а ведь в стране их — тысячи; популяризировать их достижения, пусть родители знают, любят, уважают наставников своих детей, как они знают учителей. Пора подумать о расширении кадров вожатых; сейчас установился шаблон, что работать с пионерами могут почему-то юные комсомольцы, преимущественно девушки. А разве мало коммунистов зрелого возраста с юной душою, демобилизованных офицеров, спортсменов, рабочих, геологов и охотников, которые горячо любят детей, которым смело можно доверить коммунистическое воспитание подростков.

М. И. Калинин говорил:

«Главное — это быть честными с ребятами, следить за собой, воспитывать из наших ребят действительно хороших, действительно социалистических граждан— честных, храбрых, с развитым товарищеским чувством, дисциплинированных в пределах ребячьей психологии и ребячьих возможностей».

Нам нужен вожатый, который бы, как Макаренко, любил свое дело, как Гайдар, был инициативен и смел в своих замыслах, который бы все силы души отдал самому трудному и самому почетному делу—воспитанию молодого советского поколения.

ВРЕМЯ ТОРОПИТ!

Леонид ПАВЛОВ,
секретарь Молотовского ГК ВЛКСМ,
Архангельской области.

«В 18... году, в городе N...»

Так спокойно начиналось повествование во множестве книг, написанных в прошлом веке.

И читателю впрямь нелегко было решить, относилось ли повествование к двадцатым, тридцатым или, может быть, даже сороковым годам минувшего столетия. Жизнь протекала неторопливо. И если в книге отсутствовали имена исторических личностей, определяющих то или иное время действия, то часто читатель не умел раскрыть многоточие в зашифрованной автором дате.

В нашей литературе сохранить тайну такого многоточия невозможно.

Советские люди, их взаимоотношения, самый облик нашей советской земли,—все это изменяется столь стремительно, что писателю, если он верно видит и изображает жизнь, трудно зашифровать даже последнюю цифру в определяющей время действия дате.

Один год в нашей жизни не похож на другой. И сами мы с каждым годом поднимаемся ступенью выше: развивается социалистическое сознание, обогащаются наши чувства и мысли.

Слов нет, в условиях такого бурного и стремительного общественного развития писателю нелегко поспеть за ходом жизни. Но ведь легких задач мы и не ставим перед собою, перед нашими современниками.

Как и всякого, кому дороги судьбы нашей литературы, меня очень обрадовал призыв «Литературной газеты»: «Ближе к темам труда и созидания». Только умение пристально всмотреться в реальные процессы окружающей жизни может помочь литературе не отстать от своего читателя, активно созидающего новую жизнь.

Не так давно я окончил кораблестроительный институт, работал на заводе, был затем выдвинут на комсомольскую работу. И в институтских аудиториях, и в заводских цехах, и в многочисленных встречах с комсомольцами, естественно, доводилось сталкиваться с множеством лиц и характеров. Огромное, разностороннее душевное богатство советского рабочего раскрывается перед каждым, кто окунется в живую действительность. И писателю смешно становится, когда, зная жизнь, зная людей нашей Родины, читаешь лепет продажных писак, обслуживающих капитализм и обороняющих строй, который уродует и калечит человеческие души. Это они-то—эти человечки без рода и племени — смеют обвинять социализм в нивелировке людей, в духовном их обеднении... Какая чушь!

Любой правдиво написанный образ советского человека наглядно показывает моральное и духовное превосходство наших людей над теми, кого повседневно калечит страшная и безжалостная машина капитализма.

Однако в создании живых и ярких образов молодого советского рабочего литература наша пока еще непростительно отстает.

В советских книгах, широко разошедшихся по всему свету и заслуживших мировое признание, показаны молодые люди, сформировавшиеся на пройденных уже нами этапах.

Но теперь, открывая книгу, я ищу в ней героя своего времени, героя того дня, в котором я живу и дышу, героя, в котором я мог бы узнать великолепные, повседневно поражающие меня черты окружающих современников. Ведь это не только право читателя, это естественная его потребность.

А такого героя я редко встречаю в книге.

«Молодая гвардия» А. Фадеева лежит у каждого из нас на столе рядом с любимой книгой молодежи — жизнеописанием Павки Корчагина. Прекрасные герои этих книг живут и борются вместе с нами, идя в первой шеренге наших людей.

Но ведь роман о молодогвардейцах появился немногим более чем год спустя после того, как мы узнали из первых газетных сообщений о героике краснодонских событий. А сейчас идет уже решающий год бурного и плодотворного послевоенного созидания, в котором каждый из нас является соучастником. Однако книги, которая показала бы, как живут наши юноши и девушки в условиях мирной жизни, как борется советский молодой рабочий за досрочное выполнение пятилетки, — такой книги все еще нет.

А ведь в жизни передового советского человека и в условиях мирного созидания много подвигов, романтики, много чувств, переживаний, конфликтов; этот человек имеет полное право стать «для поколений призывом и образцом».

Иногда писатели отводят слишком малый путь своим героям; они заканчивают его на последней странице книги, а читатель неутомимо шагает вперед. Я хочу, чтобы, дочитав последнюю страницу, я твердо знал, что герой будет бороться и дальше, что он пойдет по жизни, как страстный и кипучий жизнелюбец, не щадящий сил в борьбе и добывающий победу во что бы то ни стало.

В большинстве прочитываемых книг очень мало деяния, мало борьбы; потому-то так нежизненны и обрисованные в этих книгах герои.

Ведь, например, даже в «Кружилихе», обладающей многими достоинствами и многими точно изображенными **деталями** жизни, очень немного принципиального отыщет читатель в конфликте между директором завода Листопадом и председателем завкома Уздечкиным. И прав был инженер Г. Ганиченко, говоря в своей статье, напечатанной в «Литературной газете», о том, что Лида из того же романа смогла поставить свой рекорд лишь потому, что она оказалась обладательницей тонких и гибких пальцев. Вся же жизнь ее развивается на страницах романа без внутренних конфликтов, борьбы.

В прошлом году многотысячный коллектив нашего завода одержал большую победу: в строй был введен один очень важный об'ект. Директор завода, делясь своими мыслями с вновь избранным заводским комитетом комсомола, сказал тогда:

— Думаете, товарищи, победа пришла сама? Нет! Мы ее тащили. Она упиралась, пищала, скрипела, цеплялась, но мы ее тащили...

И сколько радости людям принесла эта в труде и борьбе добытая, нелегкая победа!

К концу прошлого года на стройке разгорелось по почину молодежи соревнование за досрочное выполнение пятилетнего плана. Комитет комсомола собрал первый слет молодых стахановцев. Недавно еще их на строительстве почти вовсе не было, а теперь на слете по праву присутствовали сотни людей, и энергия молодежи била ключом.

Поздней ночью вместе с секретарем комсомольской организации Залесовым мы возвращались домой по пустынной улице одного из самых молодых городов нашей Родины.

Моросил мелкий северный дождик. Было холодно. И вдруг долго молчавший Залесов сказал:

— Какая же у меня все-таки большая сегодня радость!..

За этой фразой были и его хождения по дальним, разбросанным об'ектам стройки, и многие часы бесед с такими разными людьми о таких их разных бедах и трудностях, и нервные часы споров на заседаниях, и личные переживания, и даже, вероятно, иногда и сомнения. Все выразилось в необыкновенно простой фразе, сказанной так сильно и искренно, что даже дождь и холод позабылись сразу.

Это было выражение чувства, рожденного в большой, кропотливой, будничной работе. И чувство это удивительно гармонировало с молодостью города, созданного социалистическим трудом немногим более десяти лет назад.

— Вперед, в наше прекрасное коммунистическое завтра! — это девиз молодых стахановцев нашего времени, страстно увлеченных, сочетающих напряженный физический труд с не менее напряженным и плодотворным трудом умственным.

Лучшие из них могли бы сказать словами поэта:

> Путь в будущее, как дорога к дому,
> К родному дому ленинской мечты,
> К родному дому сталинского плана...
> ...Мы первые откроем этот дом,
> Распахнутые комнаты заселим
> Рабочей мыслью, праздничным трудом,
> Чудесным вдохновеньем...
>
> **(М. Алигер).**

И вот этих-то героев хотим мы увидеть в книгах, которые могли бы стать для читателя как бы планом собственной жизни, образцом, по которому можно воспитывать свой характер.

Такие книги необходимы читателю, советский человек торопит время. Время торопит нашу литературу.

Всепрощающая редакция

Недавно «Литературная газета» писала о неверном, политически вредном выступлении П. Вершигоры в «Трибуне писателя» журнала «Звезда» (см. статью А. Никольской «Путаные речи с «Трибуны писателя», «Литературная газета» № 61).

Статья П. Вершигоры «О «бывалых людях» и их критиках» по поводу записок О. Джигурда «Теплоход «Кахетия», как указывала «Литературная газета», не давала глубокого, интересного анализа произведения, не ставила никаких актуальных для нашей литературы творческих проблем, обсуждению которых должна быть посвящена «Трибуна писателя». Ссылаясь на обывательские разговоры анонимного литератора, П. Вершигора обвиняет советскую художественную литературу в том, что она, под влиянием «ханжеской», как он называет, критики, неспособна правдиво изображать жизнь. Опубликование статьи П. Вершигоры, даже в дискуссионном порядке, безусловно, было ошибкой редакции.

На-днях вышел 7-й номер журнала «Звезда». На этот раз в «Трибуне писателя» напечатана статья О. Немеровской «Еще раз о «записках» Ольги Джигурда», целиком посвященная «Теплоходу «Кахетия». О статье П. Вершигоры автор не вспоминает, зато вспоминает о ней редакция «Звезды», поместив под статьей О. Немеровской маленькое, но, к сожалению, слишком выразительное примечание:

«Публикуя статью О. Немеровской, редакция завершает этим дискуссию о записках Ольги Джигурда «Теплоход «Кахетия», **присоединяясь к основным положениям, высказанным тт. П. Вершигорой и О. Немеровской (подчеркнуто нами. — Ред.).**

Оказывается, П. Вершигора не одинок, его «теоретические» положения разделяет и поддерживает редакция «Звезды».

П. Вершигора нашел в лице журнала «Звезда» поистине прекраснодушного и всепрощающего друга, который целиком солидаризируется со всеми его грубо ошибочными рассуждениями.

Маленькое примечание журнала «Звезда» вызывает большое недоумение.

Б. ЯКОВЛЕВ

Вопреки исторической правде

I

В связи с отмеченным всем советским народом столетием со дня кончины В. Г. Белинского на страницах нашей печати появилось немало статей, посвященных наследию великого мыслителя. Статьи эти, так же, как и отдельные книги, ждут обстоятельного и всестороннего критического разбора, но есть среди них такие выступления, которые требуют более оперативного вмешательства нашей литературной общественности.

Выступления эти прямо противоположны ленинской оценке наследия Белинского. Они дезориентируют недостаточно подготовленных читателей своими ошибочными положениями. С одним из таких положений нам довелось познакомиться на страницах шестого номера журнала «Знамя». И. Альтман в статье «Патриотизм Белинского» заявляет:

> «Программа декабристов об'ективно была программой **революционно-демократического переустройства России,** ликвидации крепостного строя и феодально-абсолютистского порядка».

Слова, выделенные в этом весьма выразительном заявлении, подчеркнуты нами. Автор, очевидно, даже не подозревает, что сама по себе ликвидация крепостного строя и феодально-абсолютистского порядка еще крайне далека от революционно-демократического переустройства общества. Ведь ни того, ни другого: ни крепостного строя, ни феодально-абсолютистского порядка не было, скажем, уже и в современной декабристам Англии двадцатых годов прошлого столетия. Однако революционно-демократическое переустройство, обеспечивающее власть трудящемуся большинству народа, а не кучке эксплоататоров, было так же чуждо Англии Каннинга и Пиля, как ныне Англии Бевина и Эттли.

Но И. Альтман не только весьма туманно представляет себе сущность революционной демократии, выражавшей коренные интересы трудящихся классов в исторические периоды, предшествовавшие эпохе пролетарских революций. Он явно не понимает сложного и противоречивого характера декабризма.

«Страшно далеки они от народа», — писал о декабристах Ленин, и, действительно, лишь в программе наиболее радикальной фракции декабризма — «Общества соединенных славян» — можно усмотреть некоторые революционно-демократические элементы. И Пестель, с его утопией капиталистического фермерства, и тем более проекты Никиты Муравьева, разрешающие аграрный вопрос в пользу крепостников-помещиков, и об'ективно и суб'ективно весьма далеки от последовательного революционно-демократического социализма Белинского, Чернышевского и их соратников.

Зачем же И. Альтман вопреки ленинской концепции, вопреки исторической правде превращает страшно далеких от народа дворянских революционеров-декабристов в неких новоявленных «об'ективных» революционных демократов?

II

Дворянские революционеры-декабристы, разумеется, не были революционными демократами. Но они были дворянскими **революционерами,** как учит Ленин, неразрывно связанными с представителями второго — разночинского этапа русской освободительной борьбы. Есть еще, оказывается, авторы, отрицающие эту связь.

Обратимся к одному из них—Н. Мордовченко, выступавшему сначала в 5-м номере журнала «Советская книга». С не оставляющей никаких сомнений категоричностью он пишет на страницах органа, выходящего под авторитетным грифом Академии наук СССР:

> «Если Герцен с юности унаследовал традиции дворянской революционности, если его «разбудили» декабристы,—путь Белинского, как выходца из среды разночинцев, был иным. Белинский отправлялся от традиций современной ему философско-эстетической публицистики (Надеждин, Полевой), и развитие его мысли шло в формах философско-эстетических и критических проблем».

Оставим на литературной совести автора весьма туманное выражение о «развитии... мысли... в формах... проблем». Неизмеримо важнее существо положений. Ведь Н. Мордовченко,—хочет он этого или не хочет,—снижает историческое значение деятельности Белинского, выхолащивает политический смысл его революционного протеста, ставит его в идейную связь не с дворянскими революционерами-декабристами, а с консервативными литераторами — Надеждиным и Полевым, которые сделались вскоре верными служаками царского самодержавия.

Противопоставление Белинскому Герцена, как, очевидно, более последовательного революционера, отнюдь не представляет собой случайной обмолвки автора. В этом убеждает опубликованная через месяц в шестом номере «Звезды» другая статья Н. Мордовченко, озаглавленная «Белинский и русская литература». Вот что снова провозглашается уже на первых ее страницах:

> «Если Герцен с юности унаследовал традиции русской революционности, если его «разбудили» декабристы,—путь Белинского, как выходца из разночинской среды, был существенно иным. С начала своей деятельности Белинский отправлялся от традиций последекабристской философско-эстетической публицистики (Надеждин, Н. Полевой), а развитие его мысли в 30-е годы пошло в формах философско-эстетических проблем».

Между двумя этими цитатами есть кое-какие примечательные различия.

В мае, — на страницах «Советской книги», — наш автор отрицал связь Белинского лишь с традициями **«дворянской** революционности». В июне, — с помощью редакции «Звезды», — он уже отделил Белинского от традиций «русской революционности», повидимому, вообще.

В мае — Белинский соответственно «отправлялся от традиций **«современной ему** философско-эстетической публицистики». В июне — «современная ему» публицистика стала уже «**последекабристской**».

В мае Н. Мордовченко ограничивал развитие мысли Белинского лишь кругом «философско-эстетических и критических проблем». В июне, — очевидно, по здравому размышлению, — автор ввел в свою формулировку ограничение: «**30-е годы**».

Однако все эти любопытные нововведения ничего не изменяют в существе формулировки. Опять-таки оставим на сей раз уже на научной совести автора крайне неудачный термин «последекабристская философско-эстетическая публицистика» в приложении к Надеждину и Полевому. Подменяя чисто **хронологическими** моментами признаки **идеологической** преемственности, можно ведь договориться до «последекабристского» Сенковского, а то и Булгарина!

Путь Белинского, действительно, был иным, чем путь Герцена. Белинский, как указывает Ленин, в отличие от такого выдающегося деятеля дворянского периода освободительного движения в России, как Герцен, был «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении». Но это обстоятельство не дает еще никаких оснований для отрицания могучей роли декабристского восстания в формировании духовного облика Белинского.

В год декабристского восстания Белинскому исполнилось 14 лет. Уже в юности он был знаком с историей декабристского движения. Глубже всех своих современников проник он в творческое наследие Пушкина, Грибоедова, Лермонтова — великих поэтов, неразрывно связанных с идеологией декабризма. Скованный, в отличие от Герцена, царской цензурой, Белинский не смог открыто высказать своего отношения к декабристам, но это не дает права отделять великого мыслителя от одного из важнейших этапов освободительного движения и противопоставлять Герцена Белинскому, связывая одного с декабристами, а другого с Надеждиным и Полевым.

Декабристы разбудили Герцена, но декабризм нельзя вычеркнуть и из источников формирования идеологии Белинского, не изменяя марксистско-ленинской методологии научно-исторического анализа.

Впрочем, другой автор того же журнала идет еще дальше. Ал. Экмекчи в связи с интересной книгой молодого исследователя М. Полякова, озаглавленной «Белинский в Москве», совершает поистине грандиозные открытия.

Чуть ли не все в духовном облике Белинского — его временное примирение с действительностью и решительное преодоление своих глубоко ошибочных взглядов, его идеалистические блуждания и переход на последовательно материалистические позиции — автор статьи преотважно об'ясняет событиями личной жизни критика.

Вот что пишет он о Белинском:

> «Очень часто сугубо личные факты его жизненной истории играли серьезную роль в процессе его умственного развития. Стоит вспомнить хотя бы о том впечатлении, которое произвела на него смерть Бакуниной, и о том, какую это сыграло роль в выработке его взглядов о примирении с действительностью... А под впечатлением смерти Станкевича ускорился разрыв Белинского с этими взглядами. Точно так же история его любви к А. Бакуниной... оказала немалое влияние на его временное увлечение теорией суб'ективного идеализма».

Любовное увлечение как первоисточник идеалистических блужданий Белинского! Да под таким утверждением с полной готовностью подписался бы любой мракобес от Василия Розанова до современных зарубежных фрейдистов.

Столь же далеки от истины утверждения автора о том, что наибольшее влияние на Белинского оказывали не русские крестьяне, боровшиеся против крепостничества, а «русские об'ективные идеалисты Павлов, Веневитинов, Надеждин... в первую очередь Надеждин и Чаадаев».

Ревизует автор и другое классическое ленинское положение, характеризующее Белинского как одного из предшественников русской революционной социал-демократии. Вопреки этому ленинскому определению, автор пишет о Белинском как о «предшественнике русского научного социализма», смыкаясь тем самым с концепцией Плеханова. Плеханов, как известно, тоже признавал Белинского предшественником, по его терминологии, «русского марксизма». Отрицая ленинское определение, он подчеркивал: «Белинский был гегельянцем, но это не значит, что он был предшественником русской социал-демократии».

Ленинизм — высшее достижение русской культуры. Но ленинизм—это вовсе не «русский марксизм» или «русский научный социализм». Ленинизм — явление всемирно-историческое. «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции» (И. В. Сталин). Не следует подменять это сталинское определение расплывчатым термином «русский научный социализм».

III

Мы не можем, разумеется, рассмотреть в беглых газетных заметках все ошибочное и неверное, содержащееся в статьях, на которые мы сослались. К некоторым из них для этого пришлось бы составить обширный подстрочный комментарий.

Ленинской оценке декабристов, ленинской характеристике исторического значения деятельности Белинского, его особого почетного места в русском освободительном движении, ленинской концепции прямой зависимости публицистики Белинского от революционных настроений крепостных крестьян, ленинскому определению исторической роли Белинского, как одного из предшественников русской революционной социал-демократии, авторы рассмотренных статей противопоставляют свои собственные доморощенные теорийки, бесконечно далекие от научной правды. Все эти авторы, вольно или невольно (что, как известно, и в политике и в литературе по своему об'ективному значению решительно все равно!), ревизуют ленинские оценки наследия Белинского. При этом все они проявляют поразительную безответственность определений, заставляющую вспомнить о принадлежащих товарищам Сталину, Жданову и Кирову суровых словах «о безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности».

Журнальная статья, разумеется, не учебник, но и в ней «должно быть взвешено каждое слово и каждое определение». Опубликование всех этих статей свидетельствует о крайней невзыскательности редакций журналов, при содействии которых они были обнародованы.

Василий АЖАЕВ

Беспокойное утро

Из романа «Далеко от Москвы»

Роман Василия Ажаева «Далеко от Москвы» посвящен героическому труду дальневосточников во время Отечественной войны. Коллектив строителей сооружает в тайге нефтепровод. Строительство развертывается, как большое сражение, гвардейцы тыла выигрывают его.

Печатаемый отрывок показывает момент, когда на самых трудных участках завершаются отдельные об'екты строительства.

Роман полностью печатается в №№ 7, 8 и 9 журнала «Новый мир».

Поздней ночью Батманов вызвал к селектору начальников трех участков: Рогова — на острове, Филимонова — на проливе и Ковшова — на материке.

— Здравствуйте, полуночники! — сказал начальник строительства. — Рядом со мной — парторг. Мы хотим проверить итоги соревнования за пятидневку. Готовы?

— Готовы, — быстрее всех отозвался Рогов.

— Ты что за троих отвечаешь? Разве тебе с острова видно, что делается у Филимонова или у Ковшова?

— Видно, Василий Максимович, — с хрипотцой в голосе весело отвечал Рогов. — Я знаю каждый их шаг. Например, могу вам доложить, что Филимонов не выходил из насосной семьдесят четыре часа, а Ковшов живет в машине и совсем перестал есть, целую неделю обходится без обеда. Трудовой энтузиазм, — прошу отметить!

У Алексея Ковшова в его тесной каморке — очередном жилье, менявшемся теперь очень часто по мере удаления сварочных бригад в глубь материка, — находились Карпов, сварщик Умара Магомет и прораб Грубский. Они пристально смотрели в трубку селектора, будто хотели разглядеть в ней лицо начальника строительства, голос которого слышался ясно, не заглушенный и не искаженный расстоянием.

Алексей мысленно представлял себе сидящих у селекторных аппаратов: немного усталого, но бодрого Батманова — он облокотился на руку, прядь волос упала на лоб; парторга Залкинда — с неизменной папиросой в руке; Филимонова — с опавшими щетинистыми щеками и красными веками, рядом — главного инженера Беридзе, рассеянно поглаживающего бородку; широколицего Рогова и группу людей вокруг него, с которыми он перебрасывается шутками, прикрыв ладонью микрофон.

— Ваши коллективы взяли на себя дополнительные обязательства, — продолжал Батманов. — Товарищ Рогов, раз ты самый бойкий, докладывай первым.

— Есть! — отчеканил Рогов так, что зазвенело в трубке. — Мы обязались к завтрашнему дню... виноват, поправляюсь: к двенадцати часам сегодняшнего дня закончить развозку труб до конечного пункта трассы, то-есть до нефтепромыслов. Результат: осталось развезти сто штук, точнее — сто две трубы. Сейчас все трубовозы участка стоят нагруженные и чуть свет тронутся в путь. Затем они сделают второй рейс, и с развозкой пошабашим.

— К двенадцати? — спросил Батманов.

— Нет, к одиннадцати, — сказал Рогов.

— Филимонов! Как у тебя?

— Монтаж дизелей и насосов закончили буквально сию минуту. Я дал бригадам отдых — шесть часов. Люди давно уже не спали. Утром со свежими силами примемся за испытания.

— Ковшов! А ты? Подкачал или нет?

— Никак нет, за нами такого не водится, — отвечал Алексей; взоры помощников и Умары устремились теперь на него. — Наше обязательство: закончить к сегодняшнему дню, к восемнадцати часам, сварку первых тридцати километров нефтепровода головного участка на материке, уложить его в траншею и провести гидравлическое испытание. У меня сидит Умара Магомет, он докладывает, что два часа назад собственноручно сварил последний стык тридцати километров.

— Верно, Василь Максимыч, тридцать километров сварил, совсем готов! — не выдержав, пододвинулся к селектору Умара.

— С рассветом будем устанавливать опрессовочный аппарат и к восемнадцати надеемся закончить испытание, — заключил Алексей.

— Главный инженер, им можно поверить? Они не увлекаются, эти молодые люди? — спросил Залкинд. — Вы у кого сейчас находитесь? Наверное, у Ковшова?

— Не угадали, я у Филимонова, — отозвался Беридзе. — Не могу оторваться от дизелей и насосов. Подтверждаю, Василий Максимович и Михаил Борисович: все трое докладывали сущую правду.

— Коли так — благодарим вас, друзья! — сочно и с чувством сказал Батманов. — Предварительно, конечно. Погорячей будем благодарить после восемнадцати.

— Знамя пока у Ковшова? — спросил Залкинд, хотя отлично знал, у кого находится знамя управления, присуждавшееся раз в пять дней лучшему участку.

— Знамя у меня. И не пока. Оно так и останется у меня, — отозвался Ковшов, окинув загоревшимся взглядом Умару Магомета, Карпова и Грубского. Те согласно закивали головами.

— Думается мне, что завтра повезете знамя на остров, — заметил Рогов. И возле него, слышно было, одобрительно зашумели люди.

— Зачем затрудняться везти знамя на остров? Я задержу его на проливе и поставлю в насосную, — вступился Филимонов.

— Не будем торговаться! Знамя наше до конца стройка! — азартно выкрикнул Умара прямо в трубку и рукой схватился за древко стоявшего в углу знамени, будто его уже собирались отсюда уносить.

Батманов и Залкинд дружно захохотали. Их поддержал и Рогов. С минуту провод разносил смех от Новинска до острова.

— Что ж, Умара Магомет, посмотрим, придется или не придется отдавать знамя. Мне-то все равно, у меня этого знамени нет, а вам, конечно, обидно, — добродушно сказал Василий Максимович, и Алексей представил себе, как он в этот момент подмигнул Залкинду. — Договоримся с вами так, друзья: кто доведет дело до точки, пусть немедленно звонит нам и вслед посылает официальную телеграмму. Беридзе, как и всегда, — арбитр, он отвечает за достоверность сообщения. Теперь, Георгий Давыдович, хотя вы и не в двух лицах, я прошу вас лично руководить испытаниями и у Филимонова, и у Ковшова.

— Конечно, — согласился Беридзе. — Вы не беспокойтесь, все сделаем честь-честью.

— Ну, ни пуха вам, ни пера! — крикнул Залкинд. — Спокойной ночи не желаем, так как она уже прошла и наступает беспокойное утро. Желаем всем троим наилучшего успеха!

— Алло, Георгий Давыдович! — заговорил снова Батманов. — Сразу же после испытания уложите Филимонова спать на двадцать четыре часа. К Ковшову приставьте няньку, чтобы кормила его с ложечки.

— Вот это правильно! — одобрил Рогов. — А то я начал волноваться: не умер бы товарищ от истощения. С кем мне тогда соревноваться?

— Ты не перебивай, я не договорил, — продолжал Батманов. — Постарайтесь, Георгий Давыдович, побыстрей побывать у Рогова. Подозреваю, что он ест и спит сверх всякой нормы.

— И у меня такое же подозрение! — воскликнул Алексей. — Он разжирел, как паша, этот князь тайсинский!

— Соседи дорогие! Поскольку завтра у нас вроде праздник, приглашаю к себе на остров, — сказал Рогов уже, кажется, вполне серьезно. — Угощение будет на славу, выставлю все, чем богат мой остров!..

...Спать уже не ложились.

— Участок обязан работать весь день нормально. Испытание не должно снизить нашу выработку. Перерыв в работе разрешим сделать лишь к финалу опрессовки. — Алексей сказал это, заметив праздничную приподнятость Умары. — Слышишь, Магомет? Тридцать километров ты сварил, пойдешь теперь дальше. Участок у нас большой. Ступай-ка ты спать и выходи на смену бодрым. Покажи пример выдержки.

Умара сердито таращил глаза и вздыхал, жесткие волосы его вз'ерошенно торчали, он теребил ворот рубахи.

— Какой ты человек, не понимаю! — возмущенно сказал он, схватил фуражку и выбежал. Уже за дверью он крикнул: — Выдержка! Откуда выдержка? Сам спать ступай! Сам выходи бодрый!..

С рассветом, еще до восхода солнца, участок поднялся на ноги. Бригады в сосредоточенном молчании быстро расходились по местам. Их разводил Карпов.

Лес по обе стороны трассы был в густом тумане, завеса его поднималась медленно и освободила пока лишь нижний ярус тайги. В кустарниках шевелились, как живые, расползаясь и всплывая вверх, белые клочья. От тумана и серого неба все кругом было сумрачно.

Алексей с непокрытой головой, в клетчатой ковбойской рубахе, с засученными до локтей рукавами и в бриджах, вправленных в сапоги, стоял на пригорке, поросшем орешником. От озерка легкий ветер приносил холодноватую сырость. Инженер поеживался и отмахивался от налетавших на него комаров и мошкары.

Трактор, тарахтя, подтащил опрессовочный аппарат на железной раме. На манометрах аппарата скрестились сейчас взгляды всех строителей нефтепровода.

Вытянувшись за горизонт, гигантский трубопровод мирно покоился в глубокой траншее, будто сказочная, задремавшая черная змея. Трубопровод тянулся отсюда на тридцать километров до самого пролива. Окинув мысленно сотни раз исхоженный им путь по трассе, Алексей подумал, что эти три десятка километров — только малая часть всего сооружения, и ему както по-особенному представился грандиозный масштаб строительства.

От опрессовочного аппарата к озерку протянули толстые шланги. Сварщик Кедрин приваривал к трубопроводу неширокую трубку — по ней должны были нагнетать воду.

Оставив подготовку опрессовки на Грубского, Алексей поехал на своем «пикапе» вдоль траншеи.

Ехал он то быстро, то медленно. Часто вылезал из машины и шел пешком, заложив руки назад. Следовавшие за ним линейные десятники ловили на ходу его замечания и сразу же бросались исправлять неполадки.

— По сигналу всем отойти от трубопровода, — повторял Ковшов. — В случае разрыва стыков вода ударит с чудовищной силой, может изувечить.

Никто на участке не мог остаться равнодушным или спокойным сейчас, в томительные часы ожидания. Алексей, не отрывавший, казалось, взгляда от трубопровода, видел, чувствовал волнение и остальных. Переживаний своих не смогли скрыть от него ни сварщики, напряженно наблюдавшие за огнем, ни вымазанные в битуме, чумазые изолировщики, ни голые по пояс рабочие, копавшие траншею. Сами того не замечая, они сегодня работали в еще более ускоренном темпе, забывая о перекуре, и лишь провожали пытливым взглядом шагающего вдоль траншеи начальника участка.

На осмотр ушло три часа. Вернувшись к месту, где стоял аппарат для опрессовки, Алексей с удивлением заметил вдруг, что солнце поднялось высоко, воздух накалился. От утреннего тумана и прохлады не осталось и следа. Безоблачное голубое небо сияло. От озерка, к которому инженер подошел освежить водой разгоряченное лицо, струились легкие испарения. В шлангах гремела и звякала вода, перегоняемая из озерка в трубопровод.

Грубский, одетый в помятый костюм, с галстуком, сбившимся набок, совсем почерневший от солнца, вытирал сухонькое лицо и голый череп.

— Можно, пожалуй, приступать к испытанию. Давайте команду, Алексей Николаевич.

— Нет, команду будет давать Беридзе. Сейчас он под'едет.

Однако главный инженер все не появлялся. Карпов, необычайно тихий, присмиревший, встретился взглядом с Ковшовым и без слов понял его:

— Позвонить ему? Передать, что все готово, ждем, мол? Паря, уже бегу!

Чтобы не томиться ожиданием, теперь уже праздным, Алексей пошел к сварщикам. Возле бригады Умары он остановился. Сварочный аппарат стоял на автомашине, кузов которой был обтянут кумачом с надписью: «Лучшие сварщики строительства». Над кабиной на высоком древке недвижимо висело знамя. С весны, с тех пор, как Батманов вручил его Умаре, оно бессменно сопровождало его и успело слегка поблекнуть от солнечных лучей.

Сам Умара лежал спиной на земле и вел потолочную сварку двух звеньев труб. Закончив стык, он поднялся, выключил аппарат и, держа в руке лицевой щит из толстого железа, подошел к инженеру.

Маленький, коренастый, разгоряченный солнцем, пламенем электросварки и волнением, Умара наступал на Ковшова. Он не говорил, а кричал — после сварки у него шумело в ушах:

— Почему задержка? Давай давить! Чего ждем, кого ждем?

— Главного инженера ждем, без него нельзя начинать, — спокойно ответил Алексей.

— Почему же он не едет? Безразлично ему? Посмотри, все кругом переживают, болеют!

— Никто не болеет, никто не переживает, — возразил Алексей, сдерживая кипевшее внутри раздражение на Беридзе. — Только ты, я вижу, и болеешь. Пожалуйста, не болей за всех. Продолжай сварку. Когда начнем давить, позовем.

Он зашагал дальше. Умара кричал ему вслед:

— Зачем так обидно говоришь? Или сам не переживаешь? Или слепой, не видишь, как ждут все? Я болею больше всех, я имею такой право. Мой сварка на участке, мой работа проверяется. Очень просим тебя: давай команда!

Алексея догнал Карпов, он сообщил, задыхаясь от бега:

— С Беридзе не удалось поговорить. Селекторист с узла сказал: «У нас, паря, идет испытание насосно-дизельной станции. Главный инженер и все остальные там. С тобой никто сейчас беседовать не станет»... — Карпов передохнул и восторженно добавил: — Вот бы взглянуть на эти дизели и насосы в работе! Сколько, паря, муки приняли из-за них механики! Без чертежей, без опыта, а собрали.

Алексей еще больше разозлился: Беридзе удружил-таки ему, теперь Филимонов опередит с испытанием!

— Поезжай, Иван Лукич, на узел и устрой ему там скандал от моего имени!

Карпов вернулся один — возбужденный и расстроенный:

— Наш Георгий Победоносец и не помышляет сюда ехать, — доложил он. — Велел, наоборот, тебе туда приехать!.. Паря, что-то случилось, видно. Хотя настроение у него славное: улыбается, бороду гладит. Дизеля мне показал и насосы — они работают во-всю! Весь народ вокруг собрался — Беридзе речь говорил... Обскакали они нас, паря! С этакой трубой быстро не управишься, а у них все, как на пятачке. Ты поезжай, Алексей Николаевич, он строго наказывал. Вот и записку написал.

На листке бумаги синим карандашом было написано: «Немедленно же явитесь ко мне по весьма срочному делу».

Взбешенный Алексей выругался. Придумывая ядовитые фразы по адресу Беридзе, он помчался на перекачечный узел.

Машина с под'ема влетела на площадку узла, ярко освещенную солнцем. Все тут выглядело по-праздничному. Алексей окинул взглядом большое каменное здание насосной станции. Справа стояли в ряд цилиндрические цистерны из металла, от них разносился оглушающий дробный стук пневматической клепки. На всей площадке теснились чистые, свежевыбеленные здания — блокпосты, дом связи, диспетчерская, электростанция, котельная, механическая мастерская, и у самых сопок — домики и общежития строителей.

Как и следовало ожидать, главный инженер находился в просторном, светлом зале насосно-дизельной станции. Он, Филимонов и десятка два монтажников молча стояли у насосов. Тут же был и механик Серегин. С ключом в одной руке и контрольным журналом в другой он стоял торжественно, как часовой. Глаза у него сияли. Огромные лоснящиеся машины работали без шума, без стука. Филимонов до бровей был вымазан в масле и еле держался на ногах от усталости. У Георгия Давыдовича лицо, рубаха, брюки тоже были вымазаны маслом. По глазам его, по умиротворенному лицу, по тому, как он ласкал бороду, можно было понять, что испытание прошло успешно.

— Каковы вещички, а? Не налюбуюсь! — крикнул он Ковшову. Свирепый вид Алексея развеселил его. — Может быть, все-таки, поздороваешься с нами и поздравишь с пуском дизелей и насосов? Поздравь хотя бы вот этого героя, — он положил руку на плечо устало улыбавшегося Филимонова.

— Поздравляю! — буркнул сердито Алексей.

Все захохотали. Алексей постоял, посмотрел на работу насосов, прошелся по кафельному чистому полу в дизельный зал и вернулся с посветлевшим лицом.

— Молодец ты! Согласен тебе хоть пешком притащить знамя, — сказал он, обнимая Филимонова. — И вас всех поздравляю, товарищи, — пожимал он руки монтажникам.

— Мы уж тут с Георгием Давыдовичем и Роговым без тебя решили, что знамя за тобой должно остаться, — сказал Филимонов. — Как-никак, а тебе потруднее, чем нам, достался сегодняшний день.

— Ну, останавливай машины и марш спать! — приказал Беридзе Филимонову. — Доза прописана доктором Батмановым: двадцать четыре часа...

Он вышел на улицу, держа Алексея под локоть. Кабинет и жилье главного инженера на Чонгре попрежнему совмещались в одной маленькой комнатке дома связи, куда отовсюду просачивались неумолкаемое жужжанье и треск. С пролива доносился рокот и плеск прибоя.

— Прошу тебя, Георгий, ни секунды не задерживайся. Поедем на участок. Там все раскалилось докрасна, — решительно заявил Ковшов.

Беридзе снял измазанную маслом рубаху и припал к об'емистому ковшу с водой.

— Я поеду, сейчас же поеду, — оторвался он, наконец, от ковша. — Но поеду, дорогой, один, без тебя.

— То-есть, как без меня? — удивился Алексей.

— Да. Один. А ты полетишь в город. Батманов прислал за тобой самолет.

— Ты что, с ума сошел! — возмутился Ковшов.

— Не горячись. Взгляни лучше на бухточку. Видишь самолет? Он ждет тебя.

— На кой чорт он мне, этот самолет?

— Полетишь на нем, говорю, в город, в управление. Понял?

— Шутник ты, товарищ главный инженер. Понравилось тебе играть на моих нервах. Играй, играй! Ничего, я прочный, выдержу! — уже с гневом говорил Ковшов.

— К сожалению, Алеша, я не шучу. Тебе лететь в Новинск, а оттуда — в Москву. Докладывать в наркомате будешь. Жалко мне тебя отпускать, помощник ты верный. Однако ничего не попишешь.

— Какой доклад? Какая Москва? — воскликнул Алексей. — Что ты, на самом деле!

— Обыкновенная Москва, столица. Эх, здорово побывать сейчас в Москве! Многие тебе позавидуют, и я первый.

— Ты что, серьезно, что ли? — голос Алексея задрожал. — Никуда я не поеду, никуда не полечу. У меня участок, не могу же я оставить его в такую минуту.

— Участок доверь мне, Алеша, не подведу. Сам буду заканчивать его с Карповым и Грубским. А лететь придется, хочешь-не хочешь. В Москву ведь, чудак, понимаешь? Ты же сам все время стремился туда. У тебя же там родители и жена. Забыл, как тосковал зимой, как рвался туда?

— Мало ли что стремился! Теперь не стремлюсь!

— Наркомат неожиданно вызвал Батманова и меня для доклада. Но ты же понимаешь, мы не можем сейчас оставить стройку. Целый час торговались, кого послать. И решили: ехать тебе, больше некому.

— Нет уж, поезжайте сами с Батмановым! Я человек маленький, ведаю участком, за все строительство не ответчик! — бушевал Ковшов.

— Вот что, Алексей, я тебе серьезно говорю: не теряй времени, до управления лететь целых три часа. Торопись. Батманов ждет и звонил уже мне, справлялся, вылетел ты или нет.

Беридзе, переодевшийся в чистую сорочку, подошел к нему и взял его за плечи:

— Тебе же не надо об'яснять, Алеша, ты все понимаешь. Надо ехать. Ты самый подходящий для этого человек. О стройке все знаешь, и о технике, и о ресурсах. И ведь в родное место едешь, — это мы с Василием Максимовичем тоже учли. Думали, будешь рад без памяти! А ты пузыришься... Когда приедешь в Москву, вспомни на минуточку Беридзе и скажи ему спасибо. — Он встряхнул товарища за плечи. — Давай здесь простимся. На участок тебе не надо заезжать — времени нет, а потом люди и без того взволнованы. Ну, прощай.

Крепко расцеловав Алексея, он первым вышел из дома и, не взглянув больше на товарища, чтобы не показать увлажнившихся глаз, сел в машину и уехал.

Проследив за «пикапом», пока тот не скрылся из виду, Ковшов пошел к бухточке, где покачивался на воде гидросамолет начальника строительства... Только забравшись в кабину, Алексей понял как следует, что ему и в самом деле предстоит далекое путешествие.

ЗА ОБРАЗЦОВУЮ ПОЛИГРАФИЮ

Без хозяина

(Обзор писем читателей)

В апреле с. г. «Литературная газета» опубликовала корреспонденцию «В тесноте и в обиде» — о непригодном положении районных типографий Курской области.

До сего времени, как об этом сообщают редакторы районных газет, ни Курский облисполком, ни Областное управление полиграфии и издательств ничем не помогли районным типографиям, — положение осталось без перемен. В Медвенском районе, например, заработную плату рабочие типографии не получают уже два месяца, бумагу из Курска не доставляют, для ремонта здания типография не может добиться шести кубометров леса, а в доме полиграфистов попрежнему продолжает жить секретарь райкома партии тов. Коротаев.

Почта «Литературной газеты» приносит нам много писем полиграфистов, работников районной печати о том, что не только в Курской, но и в других областях типографии находятся в непригодных зданиях, не имеют оборудования, плохо снабжаются материалами.

«Когда я в феврале приехал в Шумячи, — пишет секретарь районной газеты «Колхозный путь» Смоленской области тов. Силаенко, — то мне сказали, что найти редакцию нетрудно: «Как увидите обгоревшее здание с дырявой черепичной крышей, — значит, попали по адресу». В каком же положении мы работаем? Редактор тов. Титов неоднократно обращался к председателю райисполкома тов. Ганжа с просьбой провести электрический свет в типографию: нельзя же при свете коптилки печатать газету. «Дело необходимое, — всегда добродушно отвечал тов. Ганжа. — Я это понимаю, я помогу». Но ждала типография электроэнергии зиму и весну, ждет летом и, как видно, не дождется».

Мы думаем, тов. Силаенко, что ваша типография вскоре получит электроэнергию. Надо полагать, тов. Ганжа и секретарь райкома партии тов. Ильин, читая дома районную газету при ярком электрическом свете, наконец-то поймут, как важен и почетен труд наборщика, печатника. Следует напомнить и о том, что в районной типографии необходимо еще произвести капитальный ремонт, расширить печатный цех, приобрести оборудование, в частности наборные кассы; сейчас весь шрифт устарел, избит, нет ни одной ровной газетной линейки, нехватает заставок.

«Такое положение не только в Шумячском, но и во многих других районах Смоленской области, — заканчивает свое письмо тов. Силаенко. Это подтверждает и директор Смоленской областной типографии им. Смирнова тов. Киселев.

«Газеты Монастырщинского, Краснинского, Хиславичского, Холм-Жирковского и других районов трудно читать, — пишет он. — Печать грязная, нечеткая, линейки сбиты, подзаголовки набираются шрифтами разных кеглей».

Почему так плохо оформляются районные газеты Смоленской области? Областное управление полиграфии и издательств не заботится о районных типографиях. Начальник управления тов. Савченко и его заместитель тов. Козловский редко выезжают на места и ничего не знают о нуждах районных типографий. «Полиграфическая промышленность Смоленщины брошена на произвол судьбы», — гневно пишет нам тов. Киселев.

Редактор газеты «Колгоспна праця» тов. Василенко и заведующий типографией тов. Мороз сообщают из Володарск-Волынского, Житомирской области, что районная типография плана не выполняет. Почему? Нет шрифтов, непригодное помещение, отсутствие квалифицированных работников, плохое снабжение материалами — вот причины. Начальник Областного управления полиграфии и издательств тов. Грачев ничем не помогает типографии.

«В Ростовской области нашу газету считают одной из лучших, — пишет секретарь Кашарской районной газеты «Под знаменем Сталина» тов. Тараненко. — Райком партии доволен, часто слушает на бюро доклады редактора, утверждает планы нашей работы, но ни разу не поставил вопроса о помещении, где мы трудимся. Приходят к нам в редакцию селькоры, председатели колхозов, учителя, рабочие; зайдут и сочувственно покачают головой: редактор и секретарь пишут, рядом громко читает гранки корректор, тут же щелкает счетами бухгалтер, хлопает «американкой» печатница... Шум, как на заводе. Именно: «В тесноте и в обиде»!»

А ведь в этих условиях работает редакция одной из лучших районных газет Ростовской области! Не лучше положение и Дубовской районной типографии в той же области. Вот что пишет из Дубовского района секретарь газеты «На под'еме» тов. Клочков:

«Об условиях, в которых мы находимся, прекрасно осведомлен секретарь райкома партии тов. Заговельев. Был у нас и секретарь Ростовского обкома партии по пропаганде тов. Чебураков. Он даже сказал, что типография походит на «подпольную» и, улыбнувшись своей шутке, уехал. Все осталось до сих пор без перемен».

Печатники Копейской типографии тт. Козырев, Угрюмов и Балаховцев пишут из Челябинской области, что они вынуждены работать «на двух плоских машинах, одной из которых 45 лет, а другой еще больше».

Полиграфия — важная отрасль народного хозяйства. Доныне в ней отсутствует рачительный, заботливый хозяин, который смог бы об'единить всю работу типографий, ликвидировать тормозящую технический прогресс многоведомственность, разрешить вопросы механизации и автоматизации производства, развивать стахановские методы работы, правильно решать вопросы подготовки кадров и оплаты труда. Возникает опасность, что быстрый рост производства бумаги вскоре перегонит рост областной и районной полиграфии; типографии не справятся с потоком изданий.

«Отсутствие центрального управления тормозит в настоящее время развитие наших типографий», — пишет из Калуги старый полиграфист с сорокалетним стажем, инженер тов. Петров. Из Одессы пришло письмо наборщика типографии «Моряк» тов. Петренко.

«Только при существовании единого руководящего органа полиграфия сможет решить большие задачи, поставленные перед ней послевоенной пятилеткой», — справедливо пишет он.

Районная типография — не «подсобное заведение», не артель кустарей, а важный очаг нашей социалистической культуры. По-хозяйски руководить типографиями, заботиться об их нуждах, всемерно помогать им — долг партийных и советских организаций.

Лекторий села Молдино

КАЛИНИН. (**Наш корр.**). **Восемьдесят** лекций о достижениях советской сельскохозяйственной науки прочли колхозникам Молдинского сельсовета агрономы тт. Ипполитов и Козлов. За год на их докладах побывало около семи тысяч колхозников. Выступления агрономов организовал Молдинский сельский лекторий.

Кроме агрономов, лекторий об'единил вокруг себя и других представителей интеллигенции села Молдино — учителей и врачей. Руководит лекционной пропагандой директор школы-семилетки тов. Голубев.

Село Молдино расположено вдали от железной дороги, в двадцати километрах от районного центра Брусово. Но это не помешало лекторию расширить свою деятельность за рамки села. Сюда приезжают докладчики и из районного центра, и из Калинина. И всякий раз в сельский клуб на лекцию собираются сотни людей.

Лекторий работает в тесном контакте с другими культурно-просветительными учреждениями Молдино — с библиотекой, избой-читальней, клубом. Заведующий библиотекой тов. Быстров устраивает к лекциям выставки книжных новинок; учителя оборудуют витрины вопросов и ответов; колхозные книгоноши — комсомолки тт. Григорьева, Шарова, Степанова распространяют естественно-научную литературу. В избе-читальне часто устраивается коллективное слушание лекций, транслируемых по радио из Москвы. Коллективы художественной самодеятельности сельского клуба выступают после лекций с концертной программой.

На родине Некрасова

ВИННИЦА. (**Наш спец. корр.**). Одна из аллей нового парка культуры и отдыха в Виннице называется «Аллея знатных земляков». Там в рамке густой зелени стоят портреты поэта Н. Некрасова, классика украинской литературы М. Коцюбинского, великого хирурга Н. Пирогова.

Винничане очень гордятся тем, что Подолия дала миру много выдающихся людей. Приезжему обязательно покажут домик-музей, в котором родился М. Коцюбинский.

Проехав семь километров по великолепной дороге, обсаженной старыми липами, можно попасть в усадьбу-музей Пирогова. Множество экспонатов музея рассказывает посетителям о жизненном пути выдающегося хирурга. Но вот вы попадаете в село Некрасово (бывший Юзвин).

Всего 18 километров отделяют Винницу от места, где 4 декабря 1821 года родился великий поэт.

К сожалению, только название села (переименованного Указом Президиума Верховного Совета УССР) напоминает о том, что это — родина Некрасова.

Вместе с председателем сельсовета и председателем правления колхоза им. Чкалова мы долго бродили по пустырю, заросшему буйной травой. Местные власти спорили о том, в каком углу пустыря стоял домик, где родился Некрасов.

Домик этот был разрушен во время оккупации района немецкими войсками. Но если домик нельзя восстановить, то уж мемориальную доску поставить на этом месте было бы совсем нетрудно.

В библиотеке клуба оказалось всего лишь несколько произведений Некрасова.

Этим, собственно, и ограничивается забота местных партийных и советских организаций о сохранении памяти о великом поэте в его родном селе.

М. РОЗОВСКИЙ

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ХУДОЖЕСТВА» ВСЕКОХУДОЖНИКА»

28 июля в «Литературной газете» была опубликована статья «Художества» Всекохудожника». Министерство государственного контроля РСФСР сообщило:

Директор скульптурного комбината товарищества «Росскульптор» Юрель за антигосударственную практику отстранен от занимаемой должности и привлечен к судебной ответственности; председатель правления товарищества «Советский график» Гржебин за бесхозяйственность и систематическое нарушение штатно-финансовой дисциплины отстранен от занимаемой должности; ряд руководящих работников Московского товарищества художников также отстранен от занимаемых должностей и привлечен к судебной ответственности. На некоторых председателей товариществ наложены строгие взыскания.

Всем руководителям проверенных товариществ, а также председателю правления Всекохудожника тов. Катуркину даны обязательные указания, направленные к решительному и быстрейшему устранению вскрытых злоупотреблений и серьезных нарушений принципов деятельности кооперативных товариществ.

«Третий путь» Фагерхольма

С. МАКСИМОВ

Их называют «людьми 1939 года». На их совести постигшие Финляндию две национальные катастрофы — 1939 и 1945 годов. Они считали себя «братьями по оружию» с Гитлером. Наяву мечтали о «Великой Финляндии», доходящей до Урала. Наслаждались звуками радиороманса «На обломках Московии». Исповедывали вслух «расовую теорию» Розенберга, слегка приспособленную к местным, финно-угорским условиям...

В результате разгрома фашизма Советской Армией «люди 1939 года» в Финляндии оказались в весьма незавидном положении и были полностью разоблачены. Один из их вожаков — Таннер был, в конце концов, все же водворен в надлежащее место, то-есть в тюрьму для военных преступников. Правда, ему вместе с тем предоставили известное моральное и материальное удовлетворение. По предложению нынешнего главы правительства Фагерхольма, общество «Эланто», где Таннер являлся генеральным директором, постановило выплачивать ему в течение всего пребывания в тюрьме 60 процентов оклада.

Сокрушительный провал политики «людей 1939 года» внес коренные изменения в политическую жизнь послевоенной Финляндии. Страна вступила в период демократического развития и социального прогресса.

Ни одно правительство не сделало так много для блага и процветания финского народа, как недавно ушедший в отставку кабинет Мауно Пеккала, опиравшийся на подавляющее большинство финских избирателей, на коалицию ДСНФ (Демократический союз народа Финляндии), социал-демократов и аграрной партии. Правительство Мауно Пеккала, в которой главной движущей силой был ДСНФ, стало на путь искренних, добрососедских отношений с СССР — страной, которая дважды по собственной инициативе не воспользовалась своими правами победителя и проявила исключительную благожелательность к Финляндии. Мягкий мирный договор, отказ от права военной оккупации, снижение репарационных платежей, помощь продовольствием, заем на цели восстановления—все это свидетельствовало о том, что СССР стремится к дружбе между двумя народами.

Последовавшее в результате этой политики укрепление независимости Финляндии оказало благотворное влияние и на развитие внутренней жизни страны. Скомпрометированные реакционные силы не могли и не решались претендовать на власть. Новый внешнеполитический курс правительства Мауно Пеккала привел также к стабилизации всех отраслей экономики. Жизненный уровень и реальная заработная плата трудящихся повысились. Черный рынок был почти ликвидирован. Внешняя торговля за 1947—1948 годы увеличилась вдвое. Государственный долг уменьшился на 3,7 миллиарда марок. Все это создало правительству Мауно Пеккала заслуженную популярность в финском народе. Неудивительно, что на парламентских выборах 1948 года все три крупнейшие партии дали избирателям слово сохранить и в новом сейме правительственную коалицию и придерживаться программы правительства Пеккала. Это был единственно правильный курс для упрочения независимости и укрепления демократии в Финляндии.

Но финские правые социал-демократы остались верны той вероломной политике и предательской тактике, которая дважды привела их в стан врагов СССР и финского народа. Они нарушили обещания, данные избирателям, стали плести интриги, чтобы повернуть вспять политику Финляндии и отказаться от обуздания сил реакции. Для осуществления этой цели предстояло не допустить в правительство ДСНФ, то-есть подлинных представителей трудовых масс. Иначе говоря, речь шла о недопущении в правительство весьма внушительной прогрессивной общественной силы, которая во время последних выборов, несмотря на развернутую против нее реакцией бешеную кампанию клеветы и травли, собрала вокруг своего знамени самую передовую, прогрессивную часть финского народа и располагает значительным числом мест в парламенте.

«Политические жонглеры» из рядов финских правых социал-демократов не брезгали никакими средствами и приемами, чтобы сделать невозможным участие в правительстве народных демократов. Лидер правых социал-демократов Карл Август Фагерхольм намеренно выставил провокационные условия, требуя отказа народных демократов от таких правительственных постов, которые могли бы гарантировать преемственное продолжение демократического курса прежнего кабинета.

Разумеется, представители ДСНФ не могли согласиться на требования социал-демократов стать политическими «статистами» в правительстве Фагерхольма. ДСНФ отказался участвовать в любой политической комбинации, не обеспечивающей подлинного сохранения дружбы с СССР и демократического развития Финляндии.

Неподдельной была радость внутренней и внешней реакции, когда Фагерхольм, по прямому сговору с буржуазными партиями, взял на себя «тяжелую ответственность» и согласился сформировать однородное социал-демократическое правительство парламентского меньшинства. Стокгольмская газета «Дагенс нюхетер», имеющая своих «наблюдателей» во всех финских буржуазных партиях, заранее «предсказывала» создание правительства, которое круто повернет вправо политический курс страны, «расточая для вида любезные фразы по адресу Советского Союза». Столь же безоговорочное одобрение заслужило правительство Фагерхольма и у самых крайних реакционеров в Финляндии. Их орган «Ууси Суоми» обещает Фагерхольму полную поддержку крупной буржуазии. «Это заставит его проводить облуманную политику, так как он будет нуждаться в наших голосах».

«Облуманная политика» Фагерхольма вполне удовлетворяет его покровителей. Его правительство есть правительство «третьего пути», общество по реабилитации «людей 1939 года», компания социал-демократических пропагандистов пресловутой «нордической ориентации». «Лучшего и желать нельзя», — такими словами приветствовал Фагерхольма орган шведских социал-демократов «Моргон тиднинген», приглашая его занять пустующий четвертый стул в подготовляемом «нордическом блоке», куда должны войти Швеция, Норвегия и Дания.

Кабинет Фагерхольма, выступающий в качестве «третьей силы», является промежуточным. Ставя своей целью раскол демократического фронта, он призван облегчить приход к власти самой оголтелой финской реакции, расчистить, подобно Блюмам и Сарагатам, путь для финских Мари и де Гаспери. Правительство Фагерхольма должно подготовить также «психологические предпосылки» для амнистирования Таннера и возвращения его и ему подобных к активной политической деятельности.

Наконец, пресловутая «нордическая ориентация» предполагает включение Финляндии в усиленно сколачиваемый американскими империалистами «Северный союз», иными словами, превращение ее в прислужницу американского империализма на севере Европы.

Самый состав правительства Фагерхольма свидетельствует о его намерении вести именно такую «облуманную политику». Фагерхольм — свой человек и в Скандинавии, и в так называемом «западном лагере». Когда в августе 1941 года нужно было найти человека, который уговорил бы шведов поддержать «финско-германский поход на Ленинград», — для ведения этой кампании отрядили в Стокгольм именно Фагерхольма.

Можно ли после этого удивляться, что шведская печать, не забывшая этой «миссии» Фагерхольма, считает его одним из наиболее подходящих «политических жонглеров» для выполнения весьма щекотливых поручений финской реакции? «Господин Фагерхольм, — пишет шведская газета «Афтонбладет», — на случай возможного недоверия со стороны СССР заручился дипломатической гарантией западных держав». Соответствующее заверение, очевидно, ему было дано еще в прошлом году, о чем свидетельствует хотя бы выраженное Фагерхольмом крайнее сожаление по поводу отказа правительства Мауно Пеккала от участия в «плане Маршалла».

Зловещая фигура всей финской политики — военный преступник Таннер представлен в нынешнем правительстве Фагерхольма своим верным оруженосцем — Алекси Аалтонен. Присутствие в правительстве этого старого агента финской охранки, бывшего пропагандиста «шюцкора», является для всех коллаборационистов сигналом о том, что вскоре они будут восстановлены в правах.

Возможно, что именно для этих целей в правительство и введен в качестве министра юстиции такой «блюститель правосудия», как Суонтауста, фанатичный германофил, бывший член распущенного фашистского «Карельского общества». Свою юридическую карьеру Суонтауста начал во время войны, как прокурор суда в Турку, где он потребовал смертной казни для учредителей «Общества дружбы с СССР».

Приход правительства Фагерхольма к власти не мог не вызвать беспокойства в широких кругах финляндской общественности.

В обращении исполкома коммунистической партии Финляндии с полной ясностью характеризуется кабинет Фагерхольма. «Возникновение этого правительства только показывает, что правые социал-демократы еще теснее об'единились с реакционной буржуазией нашей страны и поддерживающими ее англо-американскими империалистическими кругами...»

Но финский народ не забыл столь дорого обошедшейся ему политики «людей 1939 года». Он не допустит, чтобы, вопреки всем его стремлениям и интересам, реакция вновь столкнула страну в пропасть катастрофических и безрассудных авантюр, как бы усиленно ни были заинтересованы в такой политике непрошенные англо-американские «друзья» Финляндии.

Мистер Дьюи среди «пещерных людей»

Мистер Томас Дьюи изо всех сил рвется в Белый дом. Не гнушаясь ничем, он стремится обеспечить себе наибольшую благосклонность избирателей. Вот снимок, сделанный во время его предвыборной поездки по западным штатам США и помещенный в газете «П. М.». На снимке изображен республиканский кандидат в президенты в компании дико пляшущих здоровенных молодчиков, одетых в звериные шкуры, наброшенные на голое тело. Самодовольный, улыбающийся Дьюи держит их под руки.

Подпись поясняет, что на фото изображена группа анархиствующих сумасбродов, учредивших «общество пещерных людей» в штате Орегон. «Пещерные люди» угостили Дьюи сырым мясом, которое они обычно едят, и он с'ел это мясо, не моргнув глазом. В заключение Дьюи с его согласия был торжественно об'явлен «пещерным человеком»...

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ВОЛЬГОТНАЯ ЖИЗНЬ...

Американские власти, как сообщает агентство Ассошиэйтед пресс, создали для 24 главных японских военных преступников, находящихся в ожидании приговора, весьма комфортабельные условия в тюрьме Сугамо. Как признал их адвокат Ицито Хаяси, все подсудимые «явно отдыхают от напряжения, которое вызвано длительным пребыванием в зале суда».

Все эти матерые преступники имеют возможность «ежедневно читать газеты, посещать друг друга группами не более трех человек для отдыха и игр» и даже... принимать солнечные ванны.

В результате такой вольготной жизни некоторые из подсудимых даже изрядно прибавили в весе и стали, по свидетельству того же Хаяси, «такими же толстыми, как борцы Сумо» (японская национальная борьба, где особенно важен вес борца); речь идет, в частности, о Наоки Хосино, известном под кличкой «мозг Тодзио», а также о маркизе Кидо, бывшем хранителе государственной печати.

«БЛЮСТИТЕЛИ ПОРЯДКА»

По сообщению «Нью-Йорк таймс», иранская полиция формируется, как правило, из офицеров, уволенных из армии за совершенные ими бесчестные, компрометирующие поступки. Эти «отборные кадры», как пишет газета, попав в полицию, занимаются вымогательством взяток и мошенничеством на широкую ногу и всячески угнетают население.

Зарево над Рейном

Б. РОЗАНОВ

«Над Людвигсгафеном стояло черное облако дыма и было видно зарево», — в таких мрачных и угрожающе-красочных тонах рисовало гамбургское радио положение после взрыва на огромном заводе И. Г. Фарбениндустри, растянувшемся на целых три километра вдоль западного берега Рейна. Но оглушительный грохот взрыва потряс до основания не только Людвигсгафен. Он ощущался по всей Тризонии и был отмечен очень многими политическими сейсмографами мира: что касается зарева, вставшего над Рейном, то его кровавый отсвет должны были видеть и в Лондоне, и в Париже, и особенно в Вашингтоне, где эти страшные блики пламени «играли» и на куполе Капитолия и на полированных колоннах Белого дома! Ибо зарево, для многих столь неожиданно вспыхнувшее над Рейном, напомнило всем миролюбивым народам о той зловещей и тайной подготовке новой войны, какую усердно ведут сейчас на территории Западной Германии в первую очередь американские монополисты.

Не успела, однако, еще рассеяться пелена дыма и гари над Людвигсгафеном, как на смену ей уже появилась сплошная завеса вымысла, которая призвана скрыть, или на худой конец основательно исказить истинное положение вещей. Следуя приказу из-за океана, услужливые и не знающие ни укоров совести, ни приступов стыда газетные врали всячески «доказывают», что завод в Людвигсгафене производил не взрывчатые вещества для какого-нибудь усовершенствованного реактивного «фау», а всего лишь невиннейшее лекарство, вроде аспирина, и притом исключительно для облегчения недугов человечества. Французские власти, оглядываясь на своих американских коллег, убежденно доказывают, что причины взрыва вообще «никогда не смогут быть установлены». Но сколько бы на развалинах Людвигсгафена ни раздавался унылый и пронзительный вой шакалов империалистической пропаганды, — эхо взрыва все равно будет еще долго звучать, как грозный сигнал о неблагополучии в «царстве тризонийском»!

На этом, однако, никак нельзя поставить точку. Ибо зарево, вставшее несколько дней назад над Рейном, помогло увидеть в безжалостно трезвом свете всю политику американских монополий и их англо-французских подголосков в Западной Германии, да и во всей Западной Европе. Оно ярко озарило и снисходительно мягкий приговор, вынесенный недавно Альфреду Круппу — одному из главных военных преступников, и тот протест, с каким выступили по этому поводу двенадцать с лишним тысяч бывших его рабочих, голос которых, конечно, услышан не был. Наконец, словно светом огромного прожектора, оно залило скамью подсудимых в зале суда, где еще совсем недавно слушалось дело двадцати трех руководителей той самой фирмы И. Г. Фарбениндустри, которой и принадлежит завод в Людвигсгафене.

Из двадцати трех подсудимых, чья вина в подготовке второй мировой войны и чудовищных злодеяниях является абсолютно и многократно доказанной, десять — полностью оправданы; что касается остальных тринадцати, то с помощью столь же подлой, сколь и нехитрой манипуляции они были переведены из разряда военно-политических преступников в категорию преступников уголовных, повинных лишь в... ограблении некоторых не принадлежащих им заводов на территории стран, «неосторожно» оккупированных нацистами.

Некоторые детали этого вопиющего дела особенно хорошо видны на фоне рейнского зарева. Прокурора Тэйлора для соответствующих «внушений» вызывают в самом разгаре процесса из Нюрнберга в Вашингтон. Начальник штаба генерала Клея в сопровождении его ад'ютанта и начальника экономического отдела американской военной администрации специально выезжают в Нюрнберг для дружеской беседы с подсудимыми и проводят эту беседу с глазу на глаз, не допуская присутствия представителей обвинения. Вслед за этим сам генерал Клей в собственноручно написанном письме требует оправдания директоров И. Г. Фарбениндустри на том «основании», что лишение их свободы поставит под угрозу сотрудничество военной администрации с деловыми кругами.

Под занавес на сцену выступает министр обороны США Форрестол. Он лично отвергает протест прокурора Тэйлора, возмущенного слишком мягким приговором суда, и с высоты своего уолл-стритовского величия приказывает: быть по сему.

Генерал Клей не зря, разумеется, проявляет такую заботу о директорах И. Г. Фарбениндустри: он испытывает сейчас в Бизонии острую нужду именно в такого рода кадрах. Ведь надо в самом деле учитывать, что в результате вопиющего нарушения всех требований Потсдама и невыполнения решений Контрольного Совета о ликвидации и демонтаже военных предприятий—И. Г. Фарбениндустри до сих пор владеет 87 заводами в американской зоне, 89 — в английской и 20 — во французской. Согласитесь, что для управления столь мощным хозяйством генералу Клею необходимы надежные люди, тем более, что американская банковская фирма «Диллон, Рид энд К°», президентом которой не так давно состоял тот же мистер Форрестол, вложила немалые деньги как раз в предприятия И. Г. Фарбениндустри.

В дымно-багровом свете рейнского зарева по-особому выглядит и происходящий сейчас в Бизонии пересмотр дела Шахта. «Западный мир движется целиком направо, — заявил недавно этот окончательно обнаглевший нацист, стоя на пороге тюремной камеры. — И за это я очень высоко оцениваю американскую политику». Польщенные столь откровенным комплиментом, вашингтонские покровители гитлеризма дали сигнал в Бизонию: и вот суд вновь принимается за дело Шахта, хотя, конечно, решительно никаких поводов и оснований для такого пересмотра нет и в помине. А Шахт рад стараться на новых хозяев. То он называет «план Маршалла» «великолепным началом восстановления Европы»; то он во время допроса на суде в течение нескольких часов восхваляет Гитлера и доказывает, что значительная часть его программы «оправдана». Затем, словно спохватившись, он называет гитлеровцев «буянами» (какое оскорбление!) и заверяет, что вступил в правительство с единственной целью «обуздать этих буянов». Время от времени суд считает необходимым устроить «антракт» в этом наглом паясничаньи Шахта. И тогда появляются «свидетели», вроде бывшего директора рейхсбанка Хюльзе, который, учитывая атмосферу, осмеливается всерьез утверждать, что Шахт был завзятым пацифистом и решительно ничего не знал о бешеной гонке вооружений в «Третьей империи». Вскоре предстоит на суде свидетельская гастроль бывшего канцлера Брюнинга, на время допущенного в Германию, после чего репутация Ялмара Шахта станет и вовсе кристально чистой! Рука руку моет — и обе грязные.

Подоплека этого процесса тоже совершенно ясна: Форрестолу и Маршаллу нужен сейчас Шахт, ибо именно он, а не кто иной, оказал огромную помощь Гитлеру в вооружении Германии и финансовом обеспечении всех его захватнических авантюр. Нетрудно понять, зачем американцам нужен Шахт.

Таковы разительные, красноречивые факты, словно выхваченные из царящего в Тризонии мрака ослепительными сполохами зарева на Рейне.

Немцы любят называть Рейн «рекой германской судьбы». Одна из песен старой Германии называлась «Стража на Рейне». Зарево, вставшее сейчас над Рейном, напоминает о том, насколько американская «стража на Рейне» угрожает будущему Германии, которую все друзья прогресса стремятся видеть единым, демократическим, суверенным и миролюбивым государством.

Луи АРАГОН

Я нужен «Ридерс дайджест»

Я получил нижеследующее письмо:

«Дорогой сэр!

Журнал «Ридерс дайджест», — европейское издание которого «Селекшнс» вам, наверное, знакомо,— с большим удовольствием получил бы от вас статью либо о самой интересной из известных вам личностей, либо о драме из повседневной жизни. Мистер Де Витт Уоллес, главный редактор, просил передать вам, что он будет счастлив заплатить две тысячи долларов за вашу статью; кроме того, если вы пришлете ему план статьи, он тотчас сообщит вам, интересна ли данная тема для его читателей.

Как вы увидите из прилагаемого к письму образца, под словом «личность» подразумевается не кто-то, пользующийся широкой известностью, но великодушный и щедрый человек, который в повседневной жизни подает другим «хороший пример». Желательно было бы побольше подробностей.

Прежде всего необходимо представить план статьи размером до страницы на машинке. Когда этот план будет принят, мистер Уоллес выдаст вам аванс в 300 долларов, чтобы вознаградить ваш труд в случае, если законченная статья не будет для него приемлема. Как только статья будет окончательно принята, вам заплатят две тысячи долларов.

Я — литературный агент, представляющий здесь интересы Андре Моруа и Сомерсет Могэма; если ваша вещь пойдет, я ограничусь обычными десятью процентами за посредничество.

С выражением моих личных наилучших пожеланий

искренне ваш Жак Шамбрен».

Приложенные к письму «образцы» оказались очерком Винсента Шиина «Мой собственный сын» из серии «Драмы повседневной жизни» и статьей Перл Бак—«Моя самая незабываемая встреча», явно относящейся к первой из предложенных мистером Шамбреном категорий.

Я вспомнил Винсента Шиина. Я встречал его в Париже лет двадцать тому назад. А в 1939 году, в Нью-Йорке, мы сидели рядом на трибуне конгресса американских писателей. Миссис Бак всем хорошо известна, так что вряд ли я могу сказать о ней что-либо новое; ее неприязнь к «красным», весьма энергично выраженная во время голливудского процесса, организованного комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, прибавила ей в последнее время «популярности».

Должен добавить, что 300 долларов равняются 36.000 франков (за страничку плана, отпечатанного на машинке), а 2.000 долларов (за статью размером от четырех до десяти страниц) составляют 240.000 франков.

Итак, вот мой рассказ. Самая интересная из известных мне личностей вошла однажды в мой кабинет. Я был тогда редактором вечерней газеты; в моем кабинете были белые обои, белые занавеси и металлическая мебель, обтянутая кожей... Но дело, собственно, не в этом, равно как не имеет значения и тот факт, что два года спустя полиция г. Даладье в этом кабинете нанесла удар по «красным» и похитила из него мебель...

Насколько я помню, интересная личность, о которой идет речь, предстала предо мной в образе высокого, белокурого, довольно красивого молодца с щегольскими усиками. Я его знавал раньше, он состоял тогда в штате редакции одного киножурнала. Он не сказал, что побудило его явиться ко мне с визитом, но я очень скоро сам об этом догадался, потому что моя газета вот уже три дня вела кампанию против кинематографии фашистской Германии и кинофирмы УФА, в частности. Хотя мой посетитель был явно не арийцем, он сообщил, что работает для УФА, что у него своя контора на Елисейских полях и время от времени он ездит в Берлин, где его принимал сам доктор Геббельс.

Понятно, он пришел не за тем, чтобы рассказать мне об этом. Его удивляет, почему я никогда не пишу для кино. Не хочу ли я испытать свои силы в этой области? Я ответил, что это не соответствует моим планам, а кроме того, я делаю только то, что умею. «О! пусть это вас не беспокоит,—сказал он мне.—Вам помогут. Все, что от вас требуется, — это набросок, три-четыре страницы на машинке, этого как раз достаточно для идеи сценария. У нас есть люди, которые затем разовьют идею, напишут диалог... Мы платим 300.000 франков за тему. Я готов прямо сейчас дать вам заказ на три темы...»

Я отклонил предложение и вежливо указал этой интересной личности на дверь.

По правде говоря, я только в 1945 году понял, какой интересной личностью была эта «интересная личность». В Париже демонстрировался фильм о Сопротивлении, хотя сразу после освобождения Франции все «солидные» люди говорили, что никто из них не рискнет ставить фильм о Сопротивлении, потому что бог его знает, какое правительство придет к власти в 1945 году. Но это был такого рода фильм о Сопротивлении, который не соответствовал ни одному из общепринятых образцов этого жанра; героизм был начисто выметен, отсутствовали сцены, показывающие людей, которые в тюрьме или под дулами направленных на них винтовок поют «Марсельезу»... Все это не очень интересно, однако интересно то, что автором сценария оказался мой интересный посетитель 1937 года. Вот и все.

Не знаю, принял ли бы мистер Де Витт Уоллес (за 300 долларов) напечатанную на машинке страничку плана этого рассказа из повседневной жизни и оказался ли бы этот сюжет, раздутый в четыре или пять раз против своего первоначального размера, достойным того, чтобы принести мистеру Жаку Шамбрену 200 долларов за комиссию, а мне, следовательно, чистых 1.800 долларов. Но я совершенно уверен, что некоторое сходство между эпизодом 1937 года и предложением, сделанным мне в наши дни, между кинофирмой УФА и журналом «Ридерс дайджест», поскольку это касается моральной стороны, могло бы сделать вещь в целом чрезвычайно интересной для мистера Де Витт Уоллеса и воистину затронуло бы струны его сердца.

Приняв предложение УФА, я, вполне понятно, должен был бы прекратить кампанию против этой фирмы, поднятую моей газетой. И если бы я теперь принял предложение «Ридерс дайджест», мне трудно было бы попрежнему разделять взгляды тех людей в моей стране, которые занимают позицию достаточно антиамериканскую для того, чтобы их считали «красными» не только всякие Даладье, но и комиссия Томаса—Ренкина, расследующая антиамериканскую деятельность.

Вот почему мне кажется, что мой белокурый посетитель с маленькими усиками и роскошной шубой гораздо больше подходит для роли «интересной личности», потребной «Ридерс дайджест», чем многие беспокойные люди, которых я знал и чей «дурной» вкус дозволял им петь «Марсельезу» в то время, как сограждане и земляки деятелей из кинофирмы УФА целились в них из винтовок. Это был в самом деле человек великодушный и щедрый (300.000 франков за три странички на машинке), и безусловно он подавал «хороший пример в повседневной жизни» другим людям, иными словами, мистеру Жаку Шамбрену, который отрекомендовался мне как представитель Андре Моруа и Сомерсета Могэма. Первый из них очень хорошо известен своим неизменным великодушием по отношению к маршалу Петэну, а второй — не менее привлекательной ролью, которую он играл в отношении «красных» в 1917 году как шпион британской Интеллидженс сервис.

Однако здесь есть и различие, которое следует отметить: у меня нет никаких оснований полагать, что француз, посетивший меня в 1937 году, взял бы только десять процентов от цены за мою душу. Мистер Жак Шамбрен, как истый американец, знает, что законная прибыль, которую он может извлечь за мою честь, — 200 долларов.

Деньги — великая и прекрасная вещь. Они составляют прочную основу повседневной морали. Они позволяют кое-кому покупать писателя, его совесть, самый смысл, вкладываемый им в понятия великодушия и щедрости. Итак, после всего сказанного выясняется, что самая интересная личность, которую я когда-либо встречал в повседневной жизни — с усиками или без усиков, в шубе или без шубы, — это деньги. Я не напишу этот рассказ. Я напишу другой, но без плана, размером в одну страницу для мистера Де Витт Уоллеса. Маленький «красный» рассказ, антиамериканский рассказ.

НОВЫЕ КНИГИ

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Авдеев В. Гурты на дорогах. Повести и рассказы. 260 стр. Цена 8 р.

Аргутинская Л. и Повзе М. Пламя гнева. Повесть. 240 стр. Цена 7 р.

Армянские новеллы. Кн. II. 280 стр. Цена 9 р.

Воеводин В. Живописец Билетников. 204 стр. Цена 6 р.

Гончар А. Знаменосцы. Роман 308 стр. Цена 9 р.

Грибачев Н. В походе. Стихи. 192 стр. Цена 7 р. 50 к.

Зонин А. Свет на борту. 246 стр. Цена 7 р. 50 к.

Исбах А. Годы жизни. Рассказы. 178 стр. Цена 4 р.

Кольцов А. Стихотворения. («Библиотека поэта». Малая серия). 322 стр. Цена 8 р.

Коровин А. Записки военного хирурга. 288 стр. Цена 8 р.

Кустов П. Северо-восток. Стихи. 84 стр. Цена 3 р.

Лидин В. Избранное. 356 стр. Цена 10 р.

Полевой Б. Мы — советские люди. Были Великой Отечественной войны. 308 стр. Цена 8 р. 50 к.

Суриков И. Стихотворения. («Библиотека поэта». Малая серия). 198 стр. Цена 7 р.

В серии «Библиотека избранных произведений советской литературы 1917—1947» вышли следующие книги:

Багрицкий Э. Избранное. 218 стр. Цена 9 р. 50 к.

Барто А. Избранное. 160 стр Цена 4 р. 50 к.

Диковский С. Избранное. 360 стр. Цена 8 р. 40 к.

Инбер В. Избранная проза. 404 стр. Цена 9 р.

Маяковский В. Избранное. 304 стр. Цена 12 р.

Панова В. Кружилиха. Роман. 274 стр. Цена 6 р. 50 к.

Тихонов Н. Повести и рассказы. 316 стр. Цена 7 р. 75 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Вересаев В. Сочинения. в 4-х томах; т. I. 704 стр. Цена 15 р.

Герцен А. Кто виноват? Роман в 2-х частях. 256 стр. Цена 6 р.

Гладков Ф. Избранное. 752 стр Цена 13 р.

Диккенс Ч. Жизнь и приключения Николаса Никльби, т. II. 472 стр. Цена 10 р.

Додэ А. Рассказы. (Массовая серия). 96 стр. Цена 1 р. 50 к.

Дрда Я. Немая баррикада. (Массовая серия). 96 стр. Цена 1 р. 25 к.

Замойский П. Молодость. Роман. 316 стр. Цена 7 р.

Казакевич Э. Звезда. Повесть. (Массовая серия). 80 стр. Цена 1 р. 25 к.

Мопассан Г. Жизнь. Роман. 230 стр. Цена 4 р. 50 к.

Некрасов Н. Полное собрание сочинений и писем, т. I. Стихотворения. 1838—1856 646 стр. Цена 16 р.

Панова В. Спутники. 472 стр. Цена 5 р.

Серафимович А. Собрание сочинений, т. VII. 344 стр. Цена 10 р.

Советская литература. Сборник статей. 436 стр. Цена 8 р.

Тургенев И. С. Рудин. (Массовая серия). 128 стр. Цена 2 р.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60 02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5. Б—02641.